

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ

V научно-практической конференции
профессорско-преподавательского состава,
аспирантов, студентов и молодых ученых

«ДНИ НАУКИ КФУ им. В.И. ВЕРНАДСКОГО»

ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

(наименование структурного подразделения/филиала)

СЕКЦИЯ: «Актуальные проблемы лингвистики»

г. Симферополь 2019 год

V научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» / Сборник тезисов участников/ Секция «Актуальные проблемы лингвистики» // Симферополь, 2019

В сборник включены доклады участников V научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского», отражающие достижения научных и практических изысканий в сфере естественных, гуманитарных, технических наук и информационных технологий.

Работы публикуются в редакции авторов. Ответственность за достоверность фактов, цитат, собственных имен и других сведений несут авторы.

СЕКЦИЯ «Актуальные проблемы лингвистики»

(наименование секции)

**ФРАЗЕМЫ КАК СРЕДСТВО ИДЕНТИФИКАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ
ИНТЕНЦИЙ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖА (на материале повести В.М. Шукшина «Там, вдали»)**

Аидинова Э.Д.

обучающаяся второго курса магистратуры кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии КФУ

КФУ

elmaz.aidinova@yandex.ru

Введение. Когнитивно-дискурсивный подход к изучению фразем в составе целостного художественного текста является одним из актуальных направлений современной лингвистики и предполагает выявление способов репрезентации дискурсивно обусловленных свойств фразем, отражающих особенности индивидуально-авторской картины мира. Согласно когнитивно-дискурсивному подходу фраземика художественного текста исследуется, во-первых, как тип речемыслительного произведения, порождаемый дискурсом, во-вторых, как коммуникативно-мыслительная среда, отражающая интенции, то есть коммуникативные намерения, героев художественного произведения (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Богданов, Г.В. Бобровская, Е.С. Кубрякова, Е.И. Симоненко и др.). Показательно, что в творчестве В.М. Шукшина отмечена максимально высокая плотность фразеопотреблений, отражающих общекультурное и индивидуально-авторское мировосприятие (Н.Н. Захарова, Л.В. Серикова, Т.А. Яценко и др.).

В нашем исследовании мы, вслед за Н.Ф. Алефиренко, под фраземами понимаем «устойчивые сочетания слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов».

Цель исследования: выявление стилеобразующей функции фразем, призванных эксплицировать особенности речевого взаимодействия и коммуникативного поведения героев в повествовательном пространстве В.М. Шукшина.

Задачи исследования: 1) выявить смыслообразующую нагрузку фразем, репрезентирующих коммуникативные интенции в речи персонажей; 2) изучить когнитивно-дискурсивные механизмы формирования художественной выразительности фразем в творчестве В.М. Шукшина; 3) раскрыть роль фразем в развитии сюжета и характеристике персонажей.

Методы исследования: *дискурсивный анализ*, базирующийся на анализе художественного текста «как интегральной сферы изучения языкового общения» (М.Л. Макаров); *лингвокогнитологический подход* к изучению материала, в основе которого лежит *метод концептуализации и категоризации*; *метод лингвокультурологического анализа*; *контекстологический анализ*, который, прежде всего, опирается на дистрибуцию, то есть ориентирован на анализ текстового окружения фразем.

Результаты исследований. Повесть В.М. Шукшина «Там, вдали» принадлежит к числу малоизученных произведений. Опубликованная первоначально по частям в ноябрьском и декабрьском номерах журнала «Молодая гвардия» в 1966 г., эта повесть так и не получила в свое время должного общественного резонанса, что обусловило еще больший интерес современных исследователей к идейному замыслу художественного произведения.

Проведенное нами исследование показало, что В.М. Шукшин с чеховской глубиной и бунинской точностью буквально сплавил и сплёл воедино диалог двух душ, трепетных, ищущих, страждущих и страдающих. Так, главный герой повести Петр Ивлев – человек с *прямым и твердым взглядом* и в то же время *необыкновенно чуткий и внимательный* – рано узнав, *почём фунт лиха*, всеми фибрами души пытается противостоять будням настоящего. Наделенный пылким, часто неуправляемым характером и живым воображением, герой ясно осознает диссонанс между чопорной действительностью и манящей мечтой: *Перед сном сидел иногда, привалившись к теплой соломенной стене, слушал поздних перепелов... О чем думалось? Неясно как-то. Хотелось (...) идти рядом с городской девушкой. Чтоб руки у нее были мягкие, и чтоб не ругала она судьбу.* Однако суровая действительность и желанная мечта не всегда идут рука об руку: познакомившись с девушкой, о которой грезил, и женившись на ней, *сперва Петр удивлялся – не знал он, что так тоже можно жить. Потом душа его глубоко возмутилась. (...) Потом стало невозможно. Сел к столу, начал пить. Только на душе становилось еще муторнее.* Как видим, фраземы, включенные в несобственно-прямую речь, отражают отчаянно усиливающийся накал встревоженных чувств героя, так болезненно ощутившего разрыв между томительно желанным и пронзительным в своей горькой глубине настоящим.

Неоднозначен и образ супруги Петра – Ольги Фонякиной (автор неустанно акцентирует внимание на девичьей фамилии жены). С одной стороны, она завораживает и покоряет своим величием: *«Оба [Петр и отец Ольги] мы перед ней какие-то маленькие. Вот человечина!»*, а с другой стороны, удивляет своей резкостью и грубостью, что отчасти представлено в диалоге супругов: *[Ольга, обращаясь к Петру] Голову на плечах надо иметь. – А у меня что, тыква? Я вот с таких лет работаю. – Ну и работай. От каждого по потребности.*

Заметим, что фраземы с компонентом *голова*, среди которых выразительно выделяется употребленная В.М. Шукшиным идиома *голова на плечах*, по мнению В.Н. Телии, так или иначе связаны с личностным проявлением человека – с принципом антропоморфизма, лежащим в основе символически-образных ассоциаций, что, на наш взгляд, приводит к экспликации концептуально-значимой для авторского мировидения информации. Так, фразема *голова на плечах* (разг. экспрес., кто-либо сам достаточно умён, сообразителен) и зафиксированное в Словаре академика А.М. Румянцева прецедентное высказывание *от каждого – по способностям, каждому – по потребностям* (переосмысленный героиней повести принцип, присущий коммунистическому обществу), прежде всего, декодируют коммуникативные интенции Ольги, стремящейся разозлить Петра и, как следствие, подвергшейся тому настроению (злости), которое было навеяно ею самой: *Села, посмотрела на мужа уничтожающим взглядом. – Верно сказал: тыква у тебя на плечах.* Трансформированная фразема *тыква на плечах*, будучи первоначально видоизменена Петром (*А у меня что, тыква?*) и произнесена им вскользь (в форме риторического вопроса), в ходе развертывания диалога между супругами наполняется особой коммуникативно-прагматической значимостью для Ольги и переосмысливается ею, что в данном художественном произведении приводит к расширению смысловых горизонтов фраземы.

Показательно, что особое внимание автор уделяет образу отца Ольги – Павлу Фонякину, чьи характерологические особенности (усталость от жизни, разрыв между мечтами и действительностью, ощущение наступающей старости и т.д.) впоследствии будут отражены в психологическом портрете героя рассказа В.М. Шукшина «Два письма», написанного спустя год после опубликования повести «Там, вдали». Следует подчеркнуть, что отец Ольги не сумел в свое время наладить доверительные отношения с дочерью и, как следствие, обуздать ее горделивый нрав, что привело к тому, что *все это, вся скособоченная жизнь Ольги его же и убивали.* Кульминационным моментом во взаимоотношениях отца и дочери становится полученная Павлом Фонякиным анонимка: *– Читай! Там ошибки, наверно, но там в лицо плюют. (...) Анонимка? Не надо было читать. – А что мне делать?!*

– крикнул Фоякин. – *Глаза себе выколоть. Фоякин схватился за сердце.* Фраземы, присутствующие в диалоге, подвергшись образному переосмыслению (*хвататься за сердце* – двойная актуализация), (*хоть глаз выколи* – разг. совершенно темно, буквализация), отражают раздраженность и напряжение отца, вызванное внутренней обидой за поправленную честь дочери, а также детерминируют вербальные поведенческие установки, раскрывающие особенности мироощущения героя.

Выводы. Проведенное нами исследование показало, что фраземы в художественном дискурсе В.М. Шукшина иллюстрируют особенности речевого взаимодействия персонажей, чьи интенциональные импульсы обуславливают выбор соответствующих фразем в их речи. Подвергаясь авторским преобразованиям (двойная актуализация, буквализация, компонентная замена), фраземы декодируют скрытые интенции героев, обеспечивая глубинное понимание особенностей внутреннего духовного мира персонажей. Практическая значимость нашего исследования заключается в возможности использования его результатов в практике школьного и вузовского изучения творчества В.М. Шукшина, обращение к литературному наследию которого особенно целесообразно в связи с празднованием в 2019 году 90-летия со дня рождения писателя.

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Андрейченко О. И.

доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания
Таврической академии КФУ

Введение. Порождение и восприятие фразеологизмов связано с возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации (находится в фразеобразующей базе) и её преобразование в смысловую структуру фразеологизма. Такой предзнаковой формой является внутренняя форма фразеологической единицы (ФЕ). Н.Ф. Алефиренко внутреннюю форму ФЕ интерпретирует «как деривационно-семантическую категорию, связанную с планом выражения фраземы, с соответствующим её компонентным составом» (Н.Ф. Алефиренко). Б.А. Плотников понятие внутренней формы во фразеологизмах объясняет как особую метафорическую образность и экспрессивность языкового выражения повторяющихся типичных фактов, явлений, событий, ситуаций (Б.А. Плотников).

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения лингвокогнитивного ментального пространства и особенностей его языковой реализации с помощью фразеологизмов «как «ниши» для хранения культурной информации (М.Л. Ковшова, В.Н. Телия), прагматического потенциала фразеоресурсов языка» (О.В. Ломакина,). Выявление и анализ таких ФЕ должно, по нашему мнению, происходить в единстве когнитивного (отображение модели фиксации опыта фразеологизмами) и собственно лингвистического (роль языковых средств в построении фразеологической модели) аспектов исследования.

Цель статьи – проанализировать типичные когнитивные модели ФЕ украинского языка, объективирующие концептосферу «Трудовая деятельность».

Результаты исследования. Когнитивный анализ фразеологизмов с семантикой ‘трудовая деятельность’ предполагает выборку ФЕ, обобщенно обозначающих фрагменты действительности; выделение семантических особенностей таких фразеологизмов; выявление и характеристику типичных моделей корреляции *внешняя форма – семантика фразеологизма*, т. е. специфики соотношения между донорской зоной и реципиентной зоной; установление национально-культурных стереотипов представления трудолюбивого человека средствами фразеологии.

Концептосфера «Трудовая деятельность» в украинской фразеологической картине мира представлена следующими продуктивными донорскими зонами:

Донорская зона «Части тела человека». Соматизм *голова* и её партоним *мозг* – органы мыслительной деятельности человека, соответственно во фразеологии ассоциируются с умственной работой: *крутити мізками (мозком, головою і т.ін.)* – ‘думати, мислити’ (Словник фразеологізмів української мови / НАН України, Ін-т укр. мови, Укр. мов.-інформ. фонд; [уклад.: В.М. Білоноженко та ін. ; відп. ред. В.О. Винник]. – К.: Наук. думка, 2003. – 786 с.; дальше – СФУМ, 2003: 403), *мізки перечищаються* – ‘хто-небудь стає розумнішим’ (СФУМ, 2003: 491), *голова варить, мати голову на плечах, голова пухне* – ‘виконувати розумову діяльність’ (СФУМ, 2003: 180–182). *Рука* – орган физического труда, поэтому во фразеологии она соотносится с тяжёлой, изнурительной физической работой: *обривати руки* – ‘важко фізично працювати’ (СФУМ, 2003: 764), *рвати руки* – ‘дуже важко, над силу працювати’ (СФУМ, 2003: 763), *працювати не покладаючи рук* – ‘невтомно працювати’ (СФУМ, 2003: 666). Леворукость во фразеологии отождествляется с некачественным выполнением работы, даже ленью. Например, в украинском языке ФЕ *дві ліві руки мати* обозначает ленивого человека (Г.М. Добролюжа). Зато одновременное владение как левой, так и правой рукой ассоциируется с мастерством и хорошей профессиональной подготовкой: *на обидві руки кувати* – ‘вміти все зробити’ (В.Д. Ужченко), *на всі руки майстер* – ‘людина, яка все вміє робити, тямуща у всякому ділі’ (СФУМ, 2003:

460). Компонент-соматизм *нога* в украинской фразеологии также соотносится с работоспособностью человека: *вертітися (крутитися) на ногах* – ‘невтомно працювати’ (СФУМ, 2003: 554).

Донорская зона «Мир животных». В украинском языке трудовую деятельность человека вербализируют фразеологизмы с компонентами-зоонимами *віл, кінь*: *працювати як віл*; *робити як чорний віл*; *гарувати як віл*; *працювати як кінь*; *робити як коняка*; *гарувати як кінь у кираті*; *гнути шию як віл у ярмі*; *все в роботі, як віл у ярмі*. В.В. Жайворонок считает, что конкретизатор «ярмо» символизирует покорность, зависимость, рабство; с волем в ярме сравнивают человека, который несёт непосильную ношу, тяжело и покорно работает, не получая от такой работы удовлетворения, ср.: *накладати ярмо на шию*; *сунути голову в ярмо*; *надівати ярмо на карк*; *накидати на себе ярмо*; *у ярмі ходити*; *тягти ярмо* (В.В. Жайворонок). Качественный признак ‘тяжелый, изнурительный труд’ ассоциируется в украинской фразеологической картине мира с образом-эталоном разных видов рабочего скота (*вола, коня*), которых использовали как тягловую силу: *працювати як кінь*. Значение ‘усердное выполнение работы’ эксплицируют ФЕ с зоонимом *комаха*: *працьовитий як комашка* (О.С. Юрченко).

Донорская зона «Артефакты». Важную группу составляют символы, образующие «национальные ядра симболариев тематической группы артефактов (такие, которые в наивной картине мира осмысливаются именно как вещи)» (Е.П. Левченко). В терминах артефактов вербализируются концепты, связанные с деятельностью, действиями, эмоциями, интеллектом человека. Так, например, некультурность, отсталость, неумелость, проживание в нищете, соответственно, нежелание работать, отражены в ФЕ украинского языка: *дурний як лапоть, як лапті в 'яже* (О.С. Юрченко).

Заключение. Таким образом, концептосфера «Трудовая деятельность» – это сложное ментальное образование, частично репрезентированное в языковой картине мира фразеологизмами. Большинство фразеологизмов номинируют деятельность или бездействие человека, субъекта трудовой деятельности в соответствии с родом занятий, характеризуют работника и его трудовую или интеллектуальную деятельность. Структура концептосферы «Трудовая деятельность» представлена соматической, зооморфной и артефактной донорскими зонами. Мотивация большинства ФЕ с соматическими компонентами связана с функциональными свойствами частей тела человека, жестами и позами, при которых задействованы соматизмы. Украинская зоофразеология сохраняет древнейшую мифологическую форму восприятия мира – анималистическую: в основе фразеологического образа лежит метафорическая модель «животный мир – мир человека». В составе ФЕ с компонентами-артефактами используются традиционные для определённого ареала предметы.

ENGLISH LANGUAGE AS A COMMON MEANS OF COMMUNICATION IN THE SPHERE OF EUROPEAN ECONOMY

Бобко П.А.¹, Стрембицкая Н.С.²

¹ обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры туризма факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии КФУ

polina_bobko@mail.ru

² старший преподаватель кафедры иностранных языков №3

Института иностранной филологии КФУ

natstremb@mail.ru

Introduction. The necessity to analyze the degree of global integration of the English language into the leading spheres of human activity has recently gained a great relevance. This is determined by the importance of intercultural communication and the significance of considering the consequences of the formation of English as a global lingua franca that the world community can face, as well as making forecasts in the field of language policy. The use of English as a common means of communication in the framework of European economy may acquire a controversial effect: on the one hand, it facilitates and optimizes the cooperation of separate national economics in terms of globalization, but on the other hand, it contributes to the eventual elimination of cultural identities of different European states.

Aims and objectives. The aim of the research is to reveal the specifics of integration of the English language as lingua franca into the sphere of European economy.

Methods. The research was founded on sociolinguistic approach and was conducted with the help of descriptive, historical and comparative, and thesaurus methods.

Results. The basic issue of the research is functioning of English lingua franca, which is a common means of communication for various native speakers, in the sphere of international economy, particularly in Europe.

The attention is paid to the process of globalization, which in the sphere of world economics is represented as integration and unification of individual national economies, expansion of international financial markets, formation of transnational corporations, intensification of world trade, strengthening of international labor division, and, as a result, a single world market. Therefore, in terms of rapid unification of the world community, the use of such language strategy as a common means of intercultural communication is becoming expedient.

Using the relevant data from authoritative sources (ratings Global Innovational Index, Forbes Global 2000), it was possible to identify institutional implementers of the English language. In the economic sphere, these implementers were presented by the titles of the leading commercial enterprises of Europe as of 2018, as well as the design of official websites of these companies that is called «interface». As follows from N.A. Vovk's research «English firmonims in the aspect of lexicography», the titles of economic and commercial enterprises are otherwise called «firmonims».

In order to make the research as objective as possible, it was decided to analyze language components of 23 firmonims, which represent the titles of the leading commercial enterprises of Europe as of 2018. The titles of the following companies were considered: Royal Dutch Shell, ING Group – based in the Netherlands; Allianz, Bayer, Daimler, Volkswagen Group, Siemens, BMW Group, Deutsche Telekom, BASF Societas Europaea – all based in Germany; BNP Paribas, Total, AXA Group, Sanofi – all based in France; HSBC Holdings, Prudential – based in the UK; Novartis International, Nestlé Société Anonyme, Roche Holding, Union Bank of Switzerland (UBS), Zurich Insurance Group – all based in Switzerland; Banco Santander – based in Spain; Enel – based in Italy.

The analysis allowed to reveal the fact that six firmonims, such as Royal Dutch Shell, HSBC Holdings, AXA Group, Prudential, UBS (Union Bank of Switzerland) and Zurich Insurance Group were completely comprised of English components. There were 6 titles consisting totally of German components, such as Allianz, Daimler, Bayer, Siemens, Deutsche Telekom and BASF. Four firmonims were presented in French: BNP Paribas, Total, Nestlé Société Anonyme and Sanofi. One

firmonim was presented in Spanish (Banco Santander) and Italian (Enel), and the name Novartis International was the result of the Latin word combination “Novae” and “Artis”. In four company names, along with the German, Dutch and French parts of the name, an English-language component was also found: Volkswagen Group, BMW Group, ING Group, Roche Holding. Thus, English and German firmonims comprise the first largest groups of titles (26% for each of them), while French and mixed firmonims constitute the second largest groups of titles (17% for each of them).

The next stage of the research included the examination of functioning of the official websites of these companies, particularly the languages of their interfaces. The official websites of nine corporations provide information in German and English, two of them function in English and French, nine official websites have a completely English interface, and the services of Sanofi, Enel and Branço Santander are available in French, Italian, Spanish and Catalan languages respectively. Thus, it becomes clear that the majority of websites provide data in the English language, so presentation and processing of information in the field of European economy is carried out mainly in this language.

Conclusions. The study examined the features of functioning of the English language in the field of economic development in European countries. It was found and proved that this language represents a common means of communication and interaction for representatives of states in which it is not official. The introduction and use of English significantly exceeds the integration of other European languages in this area and contributes to the successful exchange of information and achievements in the field of economic cooperation, as well as the unification of the world community in the framework of intercultural interaction.

ФОРМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ АДЪЕКТИВНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ РАССКАЗОВ ИВАНА БУНИНА

Валеева Л. В., Яценко Ю. Д.

к.ф.н., доцента кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета
славянской филологии и журналистики Таврической академии КФУ;
студентки кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета
славянской филологии и журналистики Таврической академии КФУ

lv.valeeva@mail.ru

Неотъемлемыми составляющими художественной картины мира Ивана Бунина являются языковые средства категорий оценочности, образности и экспрессивности, которые генетически связаны с категорией интенсивности. Категория «интенсивность» определяется как понятийно-прагматическая категория, которая отражает степень проявления признака и может выражаться средствами разных уровней языка.

Цель работы – осуществить системный анализ языковых средств интенсивности в текстах рассказов И. Бунина на материале адъективной лексики.

Развиваясь вместе с языком, интенсификация выработала различные способы и языковые средства вербализации на всех языковых уровнях, внося в однообразную нейтральность литературной речи лёгкую пестроту, а в сознание говорящего и слушающего – оживление и заинтересованность.

Результаты. Среди лексических интенсификаторов в художественном тексте И. Бунина следует, прежде всего, выделить лексемы, у которых значение интенсивности является свойством корня. В эту группу входят слова с интенсифицирующей семой «очень», относящейся к размеру предмета, количеству, временной протяженности.

Фасад дома был необыкновенно скуден: окон в нем было мало, и все они были невелики, сидели в толстых стенах. Зато огромны были мрачные крыльца («Грамматика любви»). Семантическая структура слова *огромный* включает сему «очень» («очень большой») и формирует объективное значение «размер крыльца». Субъективизация интенсивности связана с адъективом *мрачный* и создаёт эффект усиления, преувеличения, возрастания напряженности, экспрессивности в тексте.

Лексические интенсификаторы способствуют выделению или выдвигению явления из ряда подобных.

На этом острове две тысячи лет тому назад жил человек, несказанно мерзкий в удовлетворении своей похоти ... («Господин из Сан-Франциско»). Лексический интенсификатор *несказанно* («такой, что трудно выразить словами, неопишущий, чрезвычайный») содействует выделенности явления из окружающего контекста.

Лексическая интенсификация в бунинском тексте происходит при помощи явления семантического переноса.

И вот все сидели и угощались как ни в чем не бывало, хотя в тени войлочного шатра стояла адски горячая духота и смотреть в его широко раскрытые полы было просто страшно: пески вдали так сверкали, что, казалось, на глазах плавилась («Весна в Иудее»). С помощью наречия *адски* происходит усиление смысла «жара, духота, зной». Кроме того, в дальнейшем происходит усиление и распространение указанного значения посредством конструкций с глаголами *сверкали* и *плавилась* (о песках). Отмечена при вербализации категории интенсивности сопутствующая метафоризация: *пески сверкали, словно плавилась*.

Повтор является одним из самых востребованных лексико-стилистических средств интенсивности в языке рассказов И. Бунина. В художественном тексте писателя лексический повтор часто включён в структуру синтаксического параллелизма (прямого и обратного) и становится средством создания концептуального подтекста.

В зависимости от принадлежности повторяемой единицы к тому или иному языковому уровню в исследуемых текстах можно выделить точный лексический повтор,

синонимический повтор, семантический повтор, а также синтаксический повтор (синтаксический параллелизм).

Точный повтор создаёт ритмо-мелодический и интонационный контур текста, выполняет эстетическую и эмоциональную функции, важные для автора. Повтор может быть дистантным: *Ты в этот день проснулся с новой мыслью, с новой мечтой, которая захватила всю твою душу* («Цифры»); и контактным: *рубаха с канифасовыми косяками всегда белая-белая* («Антоновские яблоки»).

Синонимический повтор создаёт семантическое поле конкретного признака, используя дифференцированные адъективные интенсификаторы. Конечно, ты хотел, после всех своих преступлений, показаться особенно **деликатным**, особенно **приличным** и **кротким** мальчиком («Цифры»). Лексемы *деликатный*, *приличный* и *кроткий* образуют семантическое поле «воспитанный человек». Как это свойственно И. Бунину, повтор не исчерпывается одной группой лексических единиц и в данном контексте сопровождается собственно лексической интенсификацией с помощью точного лексического повтора наречия *особенно*.

Семантический повтор лексем создает напряженность в тексте, способствует усилению экспрессивного воздействия на читателя.

Впрочем, все это тоже самая обыкновенная, пошлая история. Будь здорова, милый друг. Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни («Тёмные аллеи»). Следует отметить, что слово *пошлый* – чисто русское, народное слово, которое представляет собой отглагольное прилагательное от *пойти*. В русских памятниках делового языка до XVII в. оно употребляется в значениях: «исстари ведущийся, старинный, исконный; `искони принадлежащий»; «прежний, обычный». Таким образом, *пошлый* и *обычный* являются семантически эквивалентными единицами в диахронном срезе. Их повторение в тексте представляет собой как бы смысловой эксперимент, включение нескольких смыслов, служит средством усиления категоричности оценки.

Как показало проведенное исследование, стилистическая функция повтора в значительной степени зависит от лексического значения повторяющихся элементов. Особенным средством вербализации категории интенсивности в художественном тексте Ивана Бунина является градация, которая, в сущности, представляет собой несколько повторов с усилением, с нарастающей или убывающей степенью какого-либо признака.

Выводы. Под интенсивностью мы понимаем широкую семантическую категорию, функционирование которой связано с сознательным воздействием на адресата речи посредством усиления изобразительной силы сказанного. В языке рассказов Ивана Бунина лексические средства адъективной интенсивности представлены: 1) лексемами со значением усиления, которые заключают в основном значении крайнюю степень признака (*громадный, всесветный, бесчисленный* и под.); 2) лексемами-интенсификаторами со значением выделения, выдвижения явления из ряда подобных (*необыкновенный, необычайный, удивительный, редкий* и др.); 3) результатами семантического переноса (метафора, сравнение); 4) разнообразными лексическими повторами (точный, однокорневой, семантический, синонимический), градацию.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУБСТАНТИВОВ-ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Ванина Е. А.

*обучающаяся второго курса магистратуры кафедры русского, славянского и общего
языкознания Таврической академии КФУ*

Введение. Актуальной проблемой современного языкознания является всесторонний анализ индивидуально-авторских новообразований – внесистемных речевых единиц, которым присуще индивидуальное, осознанное одним или несколькими носителями языка контекстное значение. Появление окказионализмов обусловлено стремлением художников по-новому, свежо и оригинально обозначить определенный элемент объективной действительности, попыткой преодолеть языковой стандарт, необходимостью усилить общее эмоциональное воздействие поэтического контекста на читателя, обогатить образную палитру произведения.

Проблемы окказионализации в тексте имеют достаточно длительную историю изучения (см.: В. В. Виноградов, А. В. Кунин, А. Г. Лыков, М. Д. Степанова, Е.И. Шендельс, Р. А. Будагов, Х. Бринкман, Д. В. Гугунава и др.). Исследования свидетельствуют об усилении интереса к данному творческому феномену.

В представленной статье окказионализмы рассматриваются на материале поэтических произведений шестидесятников – Е. Евтушенко и А. Вознесенского.

Цель работы – рассмотреть семантические особенности субстантивов-окказионализмов в поэтических текстах Е. Евтушенко и А. Вознесенского.

Результаты исследований. Исследование поэтического дискурса Е. Евтушенко и А. Вознесенского позволило выявить около двухсот неогерманов, в лексическом значении которых имеются интегральные семы, обозначающие: 1) названия лиц; 2) природные явления; 3) флору и фауну.

Тематическая группа «Персонимы»

Как показывает исследуемый материал, многочисленную ТГ составляют окказионализмы, которые называют лиц. Этому способствует ряд причин, среди которых главными являются возрастание роли личностного начала, положительной или отрицательной роли личности в истории.

Семантический анализ новообразований с учетом специфики их функционирования в контексте позволил выделить окказиональные названия лиц, характеризующих их по:

– профессиональной деятельности / постоянному роду занятий: *За тебя обожаю купаться в грязище. Говорят – шоумен, академхулиган... Моя белая куртка становится чище после грязевых ванн* (15, «Компра»); *Крестник твоего пера, / квазиклассик, / твой пра-пра-пра-пра-пра- / правнук квасит.* (24, «Вечно русский»);

– внутренним качествам, свойствам: *И остроумный новоосёл – / кейс из винила – / Скажет: «Артист! Сам руками развёл. / Мол, извинился».* (24, «Теряю голос»); *Он может так и может сяк – / Полутворец, полубосаяк... (24, «Не отрекусь»)*

– возрасту и родственным связям: *А Маркес невидимый вместе со мною и Дорой нас, как заговорщик, привел в Барранкилью, в которой когда-то бродил он, и мать, да и отцом позабыто, лишь с дедом, любившим внучонка-драчонка Габито.* (24, «Дора Франко»);

– внешним характеристикам: *Взор небесный. Рост. Вес. / Заглядишься – Зеркулес («Вдвоём»).*

Тематическая группа «Природные явления»

Значительное влияние на творчество поэтов имеет окружающая среда, климатические условия, рельеф и природные зоны. Художественное восприятие объективной действительности происходит прежде всего через мир природы. Исследуемый материал позволил окказиональные натурфактонимы, а также окказионализмы, в

структуре лексических значений которых присутствуют эксплицитные семы, обозначающие природные явления.

Наиболее широко в исследуемых произведениях представлены окказионализмы, называющие временные отрезки или обозначающие признак / действие через отношение к ним: *И первым мощным криком журавля / Дописывает холст художинка-весна* (15, «Доктор Осень»); *Красавец-март снял снежный шарф.* (15, «Доктор Осень»).

Выделяем окказионализмы с корневой морфемой **-ветер-/ветр-**: *Поздней осенью с чаще темно, / Ветрам-разбойникам светлицу лес открывает.* (15, «Лесалки»); *Где солнце на ветках плетет кружева, / И пустует лоботряс-ветровой...* (15, «Возвратитесь в цветы»).

Тематическая группа «Флора / фауна»

Для творчества Е. Евтушенко и А. Вознесенского характерны окказионализмы, образованные от зоонимов и фитонимов, в частности, названий деревьев, цветов, травянистых растений, кустарников, а также их частей и плодов.

Примечательным является то, что поэты во время конструирования существительных-неолексем используют в основном номинации, которые содержат не столько научные характеристики объектов, сколько эмоционально-оценочные: *С ними, в маечке чемпионской, из ненастья прилетела ты, журавлёночек, голенастая.* (15, «Тень вертикальная»); *У дьявол-дерево! У всех мигрень. Как сто салютов, стоит сирень* (15, «Сирень»); *На рынке бабки выгружали плотные тяжёлые снопы перевязанных верёвками ромашек – крупных рижских длинноногих ромах!* (15, «Casino»).

Заключение. Таким образом, словотворчество Е. Евтушенко и А. Вознесенского характеризует наличие значительного по объёму корпуса окказиональных субстантивов, появление которых обусловлено номинативными и прагматическими потребностями коммуникации. В поэтическом дискурсе Е. Евтушенко и А. Вознесенского собственно номинативную функцию выполняет ограниченное количество новаций, которое вызвано необходимостью называть новые реалии или замещать развернутые конструкции компактными и семантически ёмкими единицами. Обычно индивидуально-авторские лексемы отмечаются многофункциональностью, они развязывают целый комплекс эстетических и художественных заданий, организуют текст и прогнозируют его восприятие читателем.

Окказионализмы Е. Евтушенко и А. Вознесенского свидетельствуют об их высоком языковом мастерстве. Неолексемы порождают экспрессию лиричности, торжественности, пафоса, иронии, юмора, служат основой для возникновения разнообразных стилистических фигур и являются потенциальным источником обогащения словарного состава русского языка.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИИ «ВЕРХ-НИЗ» В ЯЗЫКЕ ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО

Давыдкина А. С.

магистрант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского

научный руководитель: к.ф.н., доц. Валеева Л. В.

nastyia280798@yandex.ru

Введение. Язык – важнейший механизм передачи информации об окружающем мире, закономерно отражающий все значимые для говорящего аспекты жизни, в том числе о пространстве – одна из естественных категорий человеческого бытия, которая позволяет человеку разумно воспринимать окружающий мир. Пространство представляет собой форму координации различных сосуществующих объектов и явлений, заключающуюся в том, что последние определенным образом расположены друг относительно друга и, составляя различные части той или другой системы, находятся в определенных количественных отношениях друг к другу. Расположение объектов в системе пространственных координат обрабатывается человеческим сознанием в виде ряда категорий: место, протяженность, близость, вертикальность/горизонтальность, север/юг, запад/восток, ориентация, движение, виды передвижения, положение человека в пространстве, направление, границы пространства, сила притяжения. При рассмотрении вербализации этих категорий в тексте особенно важно обратить внимание на характер текста, а также на экстралингвистические факторы (в частности, причины и период появления текста и фоновые знания автора).

Мы рассмотрим семантическое моделирование оппозиции «верх-низ» на материале Посланий Ивана Грозного – первых русских публицистических текстов.

Цель работы – выявить модели семантизации пространственной оппозиции «верх-низ» в Посланиях Ивана Грозного.

Тексты дипломатической направленности, доступные широкой публике, были чрезвычайно важны для формирования общественного мнения, а следовательно, и для достижения больших результатов действий внутриполитического характера. Ввиду такого характера Посланий, в тексте возникает оппозиция ‘автор-государь’ и ‘автор-человек’, обусловленная столкновением объективного и субъективного отношения к адресату. Связано это с необходимостью государя, во-первых, описать модель социальных отношений, где он занимает главенствующее положение, а во-вторых, – оценить праведность духовной жизни адресата и в итоге сформировать у читателей этих текстов (как известно, Послания Ивана Грозного носили характер открытых писем) установку на восприятие Грозного как мудрого и сильного правителя, действующего на благо своего государства.

Социальная семантизация локативной лексики в Посланиях обуславливает проекцию пространственной оппозиции «верх-низ» на структуру общественных отношений «власть-подчиненные». Приведем примеры:

*Я же ставлю тебя самого судьей между мной и тобой: вы ли растленны разумом или я, который хотел **над вами господствовать**, а вы не хотели **быть под моею властью**, и я за то разгневался на вас?* – в данном контексте для вербализации пространственных отношений используются конструкции с предлогом с пространственным значением, которые противопоставляются в рамках одного предложения. Таким образом, пространственная оппозиция «верх-низ» в Посланиях вербализуется при помощи предлогов *над* и *под*.

*В этом наставлении было точно описано, как ты присылал к **нашему высокому величеству** бить челом магистра Павла, епископа Абовского с товарищами, когда нашей степени величество было в своей вотчине в Великом Новгороде* – в этом примере наблюдается качественное противопоставление себя Иваном Грозным шведскому королю как высшей и низшей точки социального положения. Таким образом, выделяется обобщенное представление о социальном пространстве: царь – наиболее влиятельный человек – и остальные.

Письма Ивана Грозного, помимо дипломатической направленности, обладали большим культурным потенциалом, выражающимся в частотности отсылок к религиозным текстам, характер которых детерминирует обращение к аксиологическому аспекту языкового отражения противопоставления верха и низа:

Как Сатанаил свержен был с небес и вместо светлого ангела тьмой и прелестью стал называться, а ангелы его бесами именоваться, – так и вы – в данном отрывке в сравнительной конструкции Иван Грозный намерено использует религиозный интертекст.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» субстантив небеса представлен словоформой небо со следующим значением:

«Небо – 1. Видимое небо, небесный свод, с которым связывалось представление о божестве; в средневековой науке – небесная сфера, заключающая в себе все созданное богом» [76, с. 17].

Следовательно, небеса – высшая точка обозримого реального пространства – выступают, кроме того, в качестве высшей точки пространства духовного. Это было отражено в системе мышления любого носителя русского языка и потому не требовало аргументации в тексте. Для читателей этого текста номинативная единица небеса, синтезирующая в своей семантике сакральное и пространственное, соотносится с единицами светлый, ангел и противопоставляется лексемам *свержен, тьма, прелесть, бесы*. Таким образом, небеса выступают в оппозиции к миру земному, верх противопоставляется низу. Это противопоставление имеет оценочное семантическое наполнение «праведный–грешный».

Выводы. Таким образом, пространственная оппозиция «верх-низ» в Посланиях Ивана Грозного формирует две основные семантические модели: социальную и религиозную. Социальная связана с представлениями об иерархическом устройстве государства, в котором высшую точку занимает государь, а следовательно является абсолютным авторитетом. Религиозная связана с устоями XVI века, предписывавшими оценочные свойства компонентам рассматриваемого противопоставления: верх – место средоточения священного и благодетельного, низ – место для темных сил.

ОБ ОРФОЭПИКО-ОФРОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ОФРОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КОНРАДА ДУДЕНА

Денисова О.В.

*студентка кафедры теории языка, литературы и социолингвистики
Института иностранной филологии КФУ*

научный руководитель: к.филол.н., доцент Исаев Э. Ш.

Ooolly@mail.ru

Введение. Кодификация произносительной нормы немецкого языка наряду с орфоэпической лексикографией охватывают несколько столетий и характеризуются поздним становлением по сравнению с унификацией других европейских языков ввиду длительной политической и социальной раздробленности страны. При разработке речевого стандарта немецкого языка, ранее существовавшего на основе наддиалектной формы языка, также был поднят вопрос о реформации норм правописания. К концу XVIII века, несмотря на существовавшее многообразие речевых норм, ни одна из них не могла быть принята в качестве образцовой. Однако в 1880 г., вопреки бытовавшим разносторонним мнениям специалистов вплоть до вопроса необходимости проведения орфографической реформы, немецким языковедом К. Дуденом был составлен и издан орфографический словарь немецкого языка, включавший в себя 27 тыс. словарных статей. В своем словаре К. Дуден сократил количество вариаций написания словарных единиц, по большей части, отказавшись от написания согласного *h* после *t* в словах (напр. Thor\Tog).

Целью работы является изучение орфографии немецкого языка на материале словарных статей орфографического словаря К. Дудена, а также их сравнение с орфографическим строем современного немецкого языка.

Задачи:

–рассмотреть орфографические особенности немецкого языка;
–сравнить орфографию словарных статей XVIII века с современными нормами правописания.

Результаты исследования. Взяв за основу положение, что каждый самостоятельный звук должен быть сопоставим с одним знаком, имея при этом одно значение, можно выделить ряд следующих противоречивых явлений:

1. Обозначение двумя или тремя буквами простого звука: /ʃ/- Schach, Schuh; /χ – ç/ - Sache, Becher или /k/ - Charakter; /ŋ/ - Tang, bänglich; /i:/ - Mieter, liegen. Замена диграфов и монографов /ts/, /k/, /t/ графическим удвоением согласного и их применения для обозначения краткости предшествующего гласного: sitzen, Netz, Stecker, Stadt и др.

2. Передача звукосочетаний одной буквой: /ks/ - Exekutive, Lexik, /ts/ - Zahn, Tanz. Примечательно также то, что в отличие аффрикаты /ts/, которая может встречаться в виде одной буквы или двух, аффриката /pf/ во всех случаях выражена двумя буквами (напр. Pfad, Pflanzenwelt).

3. Употребление букв и буквосочетаний в разных значениях. Например, произношение *sch* в качестве увулярного спиранта /χ/ после гласных заднего ряда (*ach-Laut*), в качестве среднеязычного спиранта /ç/ после гласных переднего ряда (*ich-Laut*): lachen-brechen. Сюда также можно отнести произношение согласного /k/ в позиции перед /s/ – Wechsel, Fuchs, а также в словах греческого происхождения – Chaos; фонему /ʃ/ в словах французского происхождения - Champagner, /tʃ/ в английских - Charles. Кроме того, согласный /s/ может произноситься тремя разными способами: как глухой /s/ – Kloster, Masse; как звонкий /z/ перед гласными звуками - Basis, lesen; как /ʃ/ в начале слов в буквосочетаниях: Straße, Spaltung.

4. Графическое выражение одного звука разными буквами. Например, /f/: Vogel – Folge, Vorname – Fabrik.

5. Особую трудность представляет долгота и краткость гласных ввиду того, что разные гласные произносятся с одинаковой длительностью: Aal – Mahl – Wal, kehren – leer – er.

6. Неоднозначен также принцип орфографии иностранных слов, которые сохраняют исходное написание: ср. Shakespeare, Chanson и пр. И. Лобанова пишет, «практически это значит, что читающий и пишущий по-немецки должен быть знаком с орфографией всех тех языков, из которых данные слова заимствованы»

Выводы. Обращаясь к истории языков многих стран Европы можно заметить, что вопросы орфографии нередко освещаются и подлежат обсуждению, не теряя своей актуальности, однако процесс рационализации протекает достаточно медленно, попытки кардинальных перемен в привычных нормах письма встречают сопротивление, а примеры успешных реформаций в области орфографии тем временем немногочисленны. Однако, в их число входит Германия, где к 90-м годам XX в. была проведена общенациональная реформа, благодаря которой сократилось число исключений, было реализовано упрощение и, по большей части, унификация письменного языка. Следует подчеркнуть, что установившиеся в столь далеком времени нормы актуальны и на сегодняшний день, сохраняя присущие им особенности. Несмотря на то, что каждый существующий язык стремится к упрощению, орфографический аспект является относительно постоянным пластом, в отличие от орфоэпического, которому присущи постоянные изменения.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ДІАЛЕКТНИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У ХУДОЖНІХ ТВОРАХ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Дехтярева Е. В.

*доцент кафедри української філології факультета славянської філології і журналістики Тавричеської академії КФУ
dehtyaryova@rambler.ru*

Вступ. У системі мовних одиниць діалектні фразеологізми (далі ДФО) існують не ізольовано, вони тісно пов'язані структурно-семантичними відношеннями з фонетичним, лексико-семантичним, морфологічним та синтаксичним мовними рівнями. Порівняно з літературними ДФО мають динамічний компонентний склад, менш стійку й регламентовану синтаксичну структуру, що виявляється у фонетичній, лексичній, морфологічній і лексико-граматичній варіантності фразеологізмів. Найтісніше ДФО пов'язані з одиницями лексичного-семантичного рівня мови, оскільки виникали в різних сферах людської діяльності як узагальнення життєвого досвіду багатьох поколінь носіїв мови, тому сфера їх уживання – усна розмовна мова та художня література. Найінтенсивніше проникає діалектна фразеологія в літературну мову через твори художньої літератури.

Мета та завдання дослідження. Проаналізувати особливості функціонування діалектних фразеологізмів на лексико-семантичному рівні мови, з'ясувати їх стилістичний потенціал. Матеріалом для дослідження стали ДФО, зафіксовані у творах Леся Мартовича, Василя Стефаника, Гната Хоткевича, Марка Черемшини.

Результати дослідження. Між українською діалектною та літературною фразеологією існують певні відмінності, пов'язані насамперед із тим, що фразеологізми творяться на базі лексичного матеріалу, а він істотно різниться в діалектній і літературній мовах. Лексика, як відомо, безпосередньо відображає життя народу, фіксує зміни, які відбуваються в його житті. Оскільки українська літературна мова обслуговує культурні й господарські потреби всіх верств населення, діалектна лексика широко вливається в її словниковий склад. У свою чергу, художня література завжди орієнтується на джерела народної мови. Уміння письменника правильно і влучно користуватися фразеологічним багатством, вводити фразеологічні одиниці до свого активного словника значною мірою характеризує його загальний рівень володіння мовою. ДФО у мовленні персонажів використовуються з певними художньо-виражальними настановами або набувають того чи іншого емоційного забарвлення.

З-поміж зафіксованих ДФО було визначено такі групи: 1) ДФО, що мають у своєму складі діалектні лексеми-запозичення; 2) ДФО, не засвідчені в академічному фразеологічному словнику української мови або зафіксовані з ремаркою **діал.**; 3) ДФО, що мають семантичні відповідники в літературній мові та не засвідчені в академічному фразеологічному словнику української мови.

1. ДФО, що мають у своєму складі діалектні лексеми-запозичення.

Лексичний склад будь-якого говору української мови генетично строкатий. Крім основної маси лексики говіркової та загальнонародної, в ньому є певний пласт більше чи менше адаптованих запозичень, оскільки будь-яка мова функціонує й розвивається у взаємозв'язках з іншими мовами. На ґрунті таких взаємозв'язків можуть виникати різноманітні явища підсиленої виразності. Протягом багатьох століть на території Західної України відбувалися контакти між українською, румунською, молдавською, угорською, польською, турецькою та німецькою мовами, що становить специфіку словникового складу говірок. Міжмовні контакти не могли не позначитись на розвиткові українських говірок. Оскільки фразеологічна система є незамкненою, то в українські діалекти проникло немало експресивних запозичень, наприклад: *запри г'ямбу* – примушувати кого-небудь замовкати, не давати змоги висловитися (польське **gemba** – 'рот'); *накласти гачі* – тремтіти від страху,

перелякатися (румун. **gace** – ‘штани’); **на вандер** – ходити без діла, тинятися (нім. **wandern** – ‘блукати, мандрувати’). Лексичні запозичення в компонентному складі ДФО засвідчують певну об’єктивну зумовленість і відбивають живомовні зв’язки носіїв української мови з сусідніми народами та їх культурами.

2. ДФО, не засвідчені в академічному фразеологічному словнику української мови або зафіксовані з ремаркою **діал.** Система мовно-виражальних засобів художнього твору знаходиться в безпосередній залежності від мови народної, а народна мова – у своїй цілості – неоціненний скарб для збагачення мови літературної, наприклад: **пожити смерти** – померти. Зазначена ДФО яскраво підкреслює те, що головним героєм досліджуваних творів є безземельний гуцул, який не може вилізти з нужди, бореться з хитрощами, підступністю панів, жандармів. Усіх героїв тисне нужда, темрява і безправ’я: *А ти, Петре, не вбивайси журов, не гребі собі глину, бо, аді твій дедик через страждунок **пожив смерти** (М. Черемшина).* Характерною особливістю таких ДФО є яскраво виражена образно-емоційна забарвленість. Вони є істотним компонентом розгортання сюжету, уможливають правдиве зображення різних явищ, побуту українських міст і сіл, дають переконливу характеристику дійових осіб, увиразнюють експресивність мовлення: **дати пуду, давати позір, на кпи брати, [і] світ не видів.**

3) ДФО, що мають семантичні відповідники в літературній мові та не засвідчені в академічному фразеологічному словнику української мови.

Однією з особливостей фразеологічних одиниць, які функціонують у художній літературі, є те, що всі видатні українські письменники кінця ХІХ – початку ХХ ст. більшою або меншою мірою в мові своїх творів відображали особливості рідного їм говору. Дбаючи про правдивість зображення, точність і художню довершеність викладу, письменники користувались усіма відомими засобами рідної мови. Саме завдяки їхнім творам усе розмаїття ДФО, що століттями укладалися в народній свідомості, поступово ставали набуток широкої читацької громади. А вдаль використання ДФО сприяло збагаченню художньо-зображальних засобів твору.

ДФО, не засвідчені в сучасному академічному фразеологічному словнику української мови, проте активно вживані у досліджуваних творах, мають семантичні відповідники в літературній мові, наприклад: **уру мати** (діал. *ура* – гнів, образа): *Єк заступник віта на твого сина **уру має**, то ти собі Митрику, бійси, кілька хочеш, але села не рунтай, челіди не полоши* (М. Черемшина) – пор.: літ. *мати зуб* – сердитися, гніватися на кого-небудь. Використані в художніх текстах ДФО звертають на себе більшу увагу, на тлі літературної мови здаються незвичними і від того яскравими. Саме в цьому основна причина того, що вони стилістично досить активні в художній тканині творів.

Висновки. Багатство ДФО, виявлене в художніх творах, ще раз підтверджує відому тезу про те, що художні тексти – це справжня скарбниця фразеологічних ресурсів мови, один із досконалих способів фіксації діалектних перлин, свідчення великої ролі письменників у збереженні й розширенні виражальних можливостей рідного слова. Фразеологічні одиниці з діалектними компонентами через художню літературу та інші способи посередництва збагачують загальноукраїнську фразеологію. Тому дослідження в цьому напрямку необхідно продовжувати.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ С КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ 'КРЫМ'
В «РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ КРЫМА»

Забашта Р. В.

доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии
КФУ имени В. И. Вернадского

zabrv@yandex.ru

Введение. Особый интерес исследователей, после воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией в 2014 г., представляет лексика русского языка, отражающая коренные изменения в когнитивной базе ее носителей. Речевая практика на русском языке обнаруживает весьма частотное использование определенных языковых образований (словных номинаций, высказываний, текстов и т.п.), обладающих определенной степенью прецедентности. Отметим, что значимость рассматриваемых нами единиц может быть раскрыта как на внутреннем уровне, т.е. на уровне существования крымского региолекта (речевая практика, в том числе в масс-медиа в пределах полуострова), так и на уровне языкового узуса, носящего принципиально внетерриториальный характер (ценность для всех русофонов).

Изучение языковой ситуации на полуострове в современных условиях, в частности, описание особенностей функционирования русского языка и продуцируемых в практике его использования прецедентных феноменов с компонентом значения 'Крым' – находится в особом фокусе актуальных проблем и представляет собой одну из самостоятельных задач георусистики, лингвокультурологии и межкультурных коммуникаций.

Цель доклада – выделить группы прецедентных феноменов с компонентом значения 'Крым' и охарактеризовать данные единицы как лексическую основу для составления словаря «Русского лингвокультурологического словаря Крыма».

Лексикографическое описание региональной лексики Крыма предполагает определение состава этой лексики, её анализ, разработку концепции словаря и составление словаря. В связи с этим представляется необходимым обращение к следующей научной проблематике:

- определение состава выборочной совокупности эмпирического материала (выборки): регионализмы, этнографизмы, явления межъязыковой интерференции, топонимика, культурно и социально значимые для русскоговорящих Крыма понятия, прецедентные единицы;

- выбор принципа семантизации единиц словаря: активный принцип, предполагающий представление информации в направлении от понятия к словесной форме экспликации, т.е. лексикографическое описание предполагает оперирование 3-мя лингвистическими сущностями: языковым понятием, знаковой единицей (слово нарицательное, устойчивое словосочетание, оним) и позицией номинации (комплекс условий, которые обуславливают использование данного знака или его восприятие носителями русского языка);

- разработка специальной системы помет, позволяющей дифференцировать: а) социально-демографические параметры, б) тип текстов, в которых используется единица, в) тематическая группа, в которую входит единица (синопсис), г) оценка русскоговорящими крымчанами степени лингвокультурологической значимости реалии, обозначенной знаком, д) территория распространения единицы (общеупотребительные для Крыма, локализмы, урбанонимы и т.п.).

В основу используемого нами термина *прецедентный текст* положено понимание этого феномена, предложенное Г. Г. Слышкиным: под прецедентным текстом будем иметь в виду «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы». В качестве такой группы в нашем исследовании выступает русская лингвокультура, т.е. жители

Республики Крым и г. Севастополя, для которых русский язык является родным (или которые являются его носителем).

В одной из наших статей, среди основных особенностей функционирования русского языка в Республике Крым, мы выделили следующие факторы, обуславливающие регионализацию русского языка на полуострове: 1) межъязыковое взаимодействие (прежде всего русско-украинское и русско-крымско-татарское), 2) влияние южнорусской языковой стихии, 3) культурно-историческая архитектура региона, 4) территориально-административное своеобразие, 5) культурно-психологическая значимость определенных концептов для носителей русского языка Крыма. Именно пятый из указанных факторов связан с реализацией прецедентных феноменов с компонентом значения 'Крым'. Материалом исследования послужили контексты из следующих периодических изданий и публикаций информационных агентств за период 2014–2018 гг.: «Крымская правда», «Крымская газета», «Новый Регион», «Крымское информационное агентство».

Результаты исследования. Выделенные нами прецедентные феномены можно сгруппировать следующим образом: 1) прецедентные имена: *М. А. Волошин, А. С. Пушкин, И. К. Айвазовский, В. И. Вернадский, Н. В. Багров, С. В. Аксенов* и др.; 2) топонимы: *Крым, Таврида, Киммерия, Херсонес, Севастополь, Ай-Петри, Медведь-гора (Аю-Даг), Сапун-гора, Чатыр-Даг, Ласточкино гнездо, Крымский мост* и др.; 3) этнографизмы: *кенасса, ялтинский лук, куреш, тандыр, пахлава* и др.; 4) прецедентные высказывания: *Симферополь – ворота Крыма; «Артек» – страна детства; Ялта – город счастья; Жизнь одна и прожить ее надо в Крыму* (М. Волошин); *«Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань»* (В. В. Путин), *«Скажи мне, чей Крым? И я тебе скажу, кто ты»* (рок-группа «Ундервуд»), *«Крымнаш»* и др.

Для решения задачи составления лингвокультурологического словаря Крыма, как отмечает Л. В. Лановая, «из всех типов крымских прецедентных феноменов самым многочисленным и разнообразным является разряд собственных имен, а среди них антропонимы и топонимы. Одним из доказательств этого являются викторины, тесты в сети Интернет, которые предлагают проверить «Насколько ты крымчанин?», «Как хорошо ты знаешь Крым?» и др. Ответы на вопросы, главным образом, предполагают знание официальной и неофициальной топонимики, известных писателей и их «крымских» произведений, а также других прецедентных феноменов. Например: Где находится «Черная аптека»? (Симферополь); Утюг – это не только бытовая техника, но и санаторий (в Алуште); Самая длинная река Крыма? (Салгир); Группа, созданная студентами Медицинского университета (Ундервуд); Где в Крыму можно увидеть грязевые вулканы? (Керчь); Известный художник-маринист? (И. К. Айвазовский) и т. д.». Использование подобных контекстов в словаре способно дать важную информацию о лингвокультурологическом компоненте значения анализируемых единиц, приблизить словарь к реальному пользователю.

Выводы. Составление «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» имеет не только теоретическое значение для русистики, но и прикладное, а именно: приобщение всех русофилов к истории, культуре и современным реалиям Крыма.

Анализ печатных и Интернет-изданий позволяет сформировать группы прецедентных феноменов, иллюстрирующих векторы развития Крыма и значимость определенных реалий и лиц в восприятии представителей русской лингвокультуры после событий 2014-го г.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В НОМИНАЦИИ-ЗАГАДКЕ И ОСОБЕННОСТИ
ИХ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ
ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ 'ЖИВОТНЫЕ')

Забашта Р. В.

доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии
КФУ имени В. И. Вернадского
zabrv@yandex.ru

Савинова А. А.

студентка 2-го курса направления подготовки «русский язык и литература»
факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии КФУ
имени В. И. Вернадского
mabel_sin@mail.ru

Введение. Загадка – один из древнейших диалогических жанров народно-поэтического творчества, в котором признаки денотата выражаются посредством другого денотата, имеющего с ним какое-либо сходство. Свойственные загадкам признаки позволяют анализировать их как элементы концептосферы носителей русского языка.

В работе А. М. Кузнецова «От компонентного анализа к компонентному синтезу» (1986) предложен новый взгляд на загадку как номинативную единицу – носителя интегральных и дифференциальных признаков: «В тексте загадки, так же как и в словарном толковании понятия, даётся описание определяемого (загаданного) объекта, однако в загадках сама связь плана содержания формулы загадки с денотатом (отгадкой) намеренно скрывается, шифруется путём особого трансформированного описания реальности. Задача же словарного определения – прямое и чёткое представление денотативной отнесенности слова».

Целью исследования является характеристика загадки как номинативной единицы, в частности, анализ соотносительности компонентов её текстовой структуры и денотата (отгадки).

Результаты исследования. Анализ существующих определений загадки обнаруживает следующие ее признаки (по Р. В. Забаште и Е.С. Славич):

- 1.«Загадке часто присущ определенный ритм.
- 2.Загадка является многосложной дефиницией, которую следует декодировать.
3. Как правило, такая дефиниция лапидарна, т.е. является ёмкой и понятной.
4. Описание загадки весьма часто оформлено в качестве вопросительного высказывания.
5. Загадке присуща особая образность, обусловленная традициями русского народа и особой наивной картиной мира русской языковой личности;
6. Загадка представляет собой номинативную единицу, характеризующую диалогической природой в условиях языковой игры».

Функционально-семантический анализ загадок с референциальным признаком 'животное' позволил выделить несколько типов загадок:

1. Загадки, в которых использовано переносное (метафорическое) значение и оно является ключевым фактором, благодаря которому можно верно отгадать денотат (Посересть двора стоит копна, спереди вилы, сзади метла).
- 2.Загадки, в которых используется имя собственное для обозначения денотата (На реке живёт Тарас, кричать горазд).
- 3.Загадки, в которых используют существительные, представляющие собой соединение в основе слова значений глагола и звукоподражательной лексики (Из куста шипуля, за ногу тяпуля).
- 4.Загадки, в которых в самой формулировке содержится отрицание, которое помогает сузить круг предполагаемых отгадок (Не портной, а всю жизнь с иголками ходит).

5. Загадки, в которых фигурирует подсказка с наводящим смысловым вопросом: «Кто...?» (Кто с бородой родился?).

Переносные значения используются в загадках для повышения образности и выразительности, например: «Посередь двора стоит копна, спереди вилы, сзади метла». Отгадкой является «корова». Корова – ‘крупное домашнее молочное животное, самка быка’. Рассмотрим соотносительные признаки в структуре загадки, с одной стороны, и в формулировке толкования слова «корова», с другой стороны: под «копной» загадывающий подразумевает, что корова есть крупное животное, «посередь двора» указывает на то, что животное является преимущественно домашним. Далее следуют индивидуальные признаки, в которых выражены семы ‘ноги’ и ‘хвост’ коровы: «Спереди вилы, сзади метла».

С целью выявления особенностей восприятия загадок разных типов носителями современного русского языка, мы провели анкетирование среди носителей русского языка. Информантами выступили обучающиеся второго курса факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, по направлению подготовки «русский язык и литература». Всего в эксперименте приняли участие 40 человек: из них 36 женщин и 4 мужчины, средний возраст составил – 18 лет. Стоит также отметить, что участникам эксперимента не сообщалась информация о том, что все загадки относятся к одной тематической группе.

Выводы. Результаты эксперимента показали, чем выше образность загадки с референциальным признаком ‘животное’, тем сложнее отгадать загадку современным носителям русского языка.

Для решения задач представления результатов эксперимента нами был использован полевой подход (построены ассоциативно-семантические поля словесных реакций). В центральной зоне поля находится самый часто встречающийся в словесных реакциях информантов ответ; ядерную зону занимают реакции с менее частыми ответами, но более 3 одинаковых реакций; в зоне ближней периферии представлены одинаковые отгадки двух или трёх информантов; зону крайней периферии занимают единичные, неповторяющиеся словесные реакции.

Мы выявили зависимость степени сложности загадки от ядернопериферийной структуры ассоциативно-семантического поля: чем сложнее загадка, тем больше единичных реалий мы фиксируем в периферийной зоне поля загадки.

Перспективой исследования является изучение других паремиологических единиц русского языка в номинационном аспекте, т.е. как единиц именования в иносказательной позиции. В докладе также анализируются различия в восприятии носителя русского языка восточных и русских народных загадок.

НЕОДНОСЛОВНЫЕ ОБРАЗНЫЕ НЕОНОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ КРЫМЧАН

Колосовская Т. Л.

*студент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии
КФУ*

научный руководитель: д-р филол. н., профессор Петров А. В.
kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

Введение. Язык – это живая система, в которой постоянно появляются новые слова, а устаревающие отходят на периферию, употребляются все реже и иногда отмирают. Темпы перемен в русской лексике неравномерны. Во время больших социальных изменений происходит активное обогащение словарного состава языка. Это связано с необходимостью обозначить множество новых понятий в разных сферах жизни: политике, экономике, шоу-бизнесе, спорте, вычислительной технике и т.д. В XXI веке учёные стали обращать особенное внимание спонтанной разговорной речи носителей языка, что привело к выделению лингвистики креатива. Проблемами креативной лингвистики, а также разговорной речи занимались многие исследователи, такие, как Т. А. Гридина, Е. А. Земская, Л. А. Капаназе, Н. А. Николина, Л. С. Пастухова, А. В. Петров, Е. Н. Ремчукова, О. Б. Сиротинина, В. К. Харченко.

В ходе коммуникативного акта в разговорной речи происходят процессы, которые в конечном итоге приводят к созданию чего-то нового или же отличающегося от традиционного. Примечательно, что большое внимание всегда отдавалось цельному слову и способам его образования в языке, но не меньший интерес представляют однословные единицы именованья. **Целью** работы является описание однословных номинаций в современной разговорной речи крымчан.

В связи с этим необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть типологию ономотологических единиц;
- определить специфику спонтанной разговорной речи;
- проанализировать однословные образные неониминации в современной речи.

Основными лингвистическими **методами исследования**, которые применялись в процессе написания работы, являются описательный и структурно-семантический, метод компонентного анализа и дистрибутивный анализ.

Результаты исследований. Специфика разговорной речи состоит в индивидуальном использовании словообразовательных моделей, которые не закреплены не только в книжном языке, но ещё и не характерны коллективу в речи разговорной. В речевом акте слова могут или реализовать уже имеющиеся возможности словообразовательной системы языка, или порождать что-то новое с нарушением системных закономерностей словопроизводства. При анализе любых единиц необходимо учитывать семантику слов, компонентов конструкций, грамматические правила построения словосочетаний и предложений, стилистические свойства слов и эмоциональную окраску.

Важным является определение статуса разговорной спонтанной речи в системе языка. О. Б. Сиротинина характеризует её как «речь в условиях непосредственного, персонального, главным образом неофициального общения или (что то же самое) устная форма спонтанной диалогической речи». В. Н. Мигирин выделяет три типа номинации: однословную, синтагматическую (уровня словосочетаний) и фразовую (уровня придаточных предикативных единиц). Рассмотрим примеры.

«Ребята, давайте не будем организовывать это мероприятие, слишком много всего было, устали все, поэтому не нужно включать **синдром Денисенко**». Денисенко Никита Дмитриевич является председателем Совета обучающихся Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Помимо этого он ещё учится в магистратуре и преподаёт в школе. При таком графике сложно отдохнуть и чувствовать себя полным сил и энергии. Фраза была произнесена одним из членов Совета обучающихся во время сложного

учебного периода. Модель неоднословной номинации («лексема *синдром* + имя собственное») широко представлена в современной речи, ср.: «синдром Наполеона» (величие и самоуверенность), «синдром Чехова» (объективность, утверждение свободы личности) «синдром Мальвины» (учить других и постоянно давать кому-то советы).

«Какая ты всё-таки изворотливая, находчивая, умеешь подбирать нужные слова, сухой из воды выйдешь. **Клара Новикова отдыхает!**» Клара Новикова – советская и российская артистка эстрады, юмористка, актриса и певица, телеведущая. Клара Новикова является символом виртуозного владения словом, умения быстро отвечать на вопросы, находчивости и остроумия. В «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой глагол «отдыхать» – это ‘отдыхом восстанавливать силы, проводить свой отдых где-н.’. Как видно, узвальное значение отличается от контекстуального. Приведенная фраза передает следующее значение: тот или иной носитель языка по тем или иным признакам превышает мастерство публичного, известного всем человека. Сформулированное значение типизируется, опирается на модель неоднословной номинации «имя собственное» + глагол *отдыхать*». Обратим внимание, что за основу могут быть взяты имена не только отечественных знаменитостей, но и представителей зарубежья. Ср. следующий контекст.

«Беседа двух девушек в салоне женской одежды, одна из которых примеряет платье на выпускной вечер: Ты просто супер! **Моника Беллуччи отдыхает!**» Известно, что Моника Анна Мария Беллуччи – это итальянская актриса и модель. В свои 55 лет она потрясающе выглядит и снимается во многих журналах. Употребляя подобную конструкцию по отношению к подруге, адресант подчёркивает её невероятную красоту, которая превышает шарм такой знаменитой модели, как Моника Беллуччи.

«В очереди в банке РНКБ стоят два пожилых мужчины, чтобы оплатить какую-то услугу. Никто из специалистов банка не может им объяснить, как выполнить определённую операцию. Один из мужчин громко и сердито произносит: – **Ученье – свет, а неучёных – тьма**». В данном контексте наблюдается трансформация фразеологизма «ученье – свет, а неученье – тьма»: осуществляется замена компонента «неученье» на однокорневое слово «неучёных». Новая неоднословная единица акцентирует внимание на необразованных субъектах, которых, по мнению носителя языка, в мире тьма.

«**Нельзя оторвать от вас не только глаз, но и сердце**». Данная расширенная устойчивая фраза была употреблена по отношению к участнице шоу членом жюри сорокапятидесяти лет. Фразеологизм «не (не мочь, нельзя) оторвать глаз» используется в значении ‘рассматривать кого-либо или что-либо с удовольствием, восхищением’. Компонент «глаза» употреблён в однородном ряду с субстантивом «сердце», вследствие чего состав фразеологизма трансформируется, расширяется новым компонентом с целью экспрессивного выражения мысли. Этим подчёркивается восторг члена жюри, ведь «самого главного глазами не увидишь», поэтому если и сердце покорила конкурсантка, следовательно, есть в ней что-то особенное.

Выводы. Разговорная речь – это отдельная самостоятельная языковая система, не имеющая тематических ограничений. Неоднословные неонминации, возникающие на определённой территории, необходимо фиксировать, лексикографировать и систематически описывать. Лексика города в её спонтанном проявлении представляет собой научную традицию, которая окончательно не сложилась. Городской фольклор, разговорная речь разных групп городского населения оказывает непосредственное воздействие на развитие литературного языка.

ТОЛСТОВСКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-ФУТУРИСТОВ

Курьянова В.В.

доцент кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии КФУ
kuryanova_v@mail.ru

Введение. Современное литературоведение нередко обращается к большим текстовым структурам — сверхтекстам, начало изучению которых положил В. Н. Топоров своими работами о петербургском тексте. А. Г. Лошаков, разделяя сверхтексты по общности референта, выделил три тематических сверхтекста: событийный, локальный и именной.

Говоря о понятии толстовского текста, мы обращаемся, конечно, к именованному сверхтексту. В основу любого подобного текста положен миф, то есть константное представление о личности, которое мифологизировалось в авторском и общественном сознании. Причем влияние общественного сознания на авторское восприятие объекта усиливается по мере возрастания активности средств массовой коммуникации.

Цель работы – показать, что представляет собой и как проявляется толстовский миф, формирующий толстовский текст в произведениях поэтов-футуристов.

Первый интерес В. Маяковского и его единомышленников к личности Толстого связан с увлечением идеями футуризма. Кубофутуристам срочно нужно было уничтожить литературные авторитеты, чтобы создать поэзию свою, уникальную, новую. Поэтому нападению подверглись классики русской литературы XIX века, «бросить... с парохода современности» необходимо Пушкина, Достоевского, Толстого. Такой вызов должен был привлечь особое внимание к новым деятелям искусства. Будетляне ставили на эпатаж, для них цель поразить публику любыми способами становится едва ли не основной, жгучее желание привлечь к себе внимание соотносится с поэтическим манифестом. Более всего вызывать раздражение у публики будут известные личности, оказавшиеся в положении отвергаемых.

Таким образом, уже в 1914-м году, в начале своего творчества Владимир Маяковский, с одной стороны, представляет Толстого стоящим выше Бога, а с другой – объектом насмешки, которая основана на мифологизированных представлениях о быте писателя и его учении.

В. Хлебников в манифесте «!Будетляне» продолжает отрицать авторитет великого русского писателя и приводит в качестве примера своей правоты основное положение толстовской идеологии (на тот момент уже вполне сформированный миф) о непротивлении злу насилеием:

«Помните про это! Люди.

Пушкин – изнеженное перекасти-поле, носимое ветром наслаждения туды и сюды.

Первый учитель Толстого – это тот вол, который не противился мяснику, грузно шагая на бойню».

В. Шершеневич в своих воспоминаниях о выступлениях футуристов перед публикой обосновывает такой интерес поэтов к личности Толстого совершенно откровенно: он был всегда в любой аудитории отличной мишенью, слушатели сразу реагировали на произнесение слов «Лев Толстой», озвученное иронически или в негативном контексте имя великого русского писателя было всегда точным попаданием в цель. Шершеневич утверждал, что имя Льва Толстого было выбрано специально, потому что являлось иконой для того времени, которую нельзя было между прочим трогать, а тем более говорить в уничижительном смысле. Футуристы на этом и строили свой расчет.

В насмешке над Л.Н. Толстым, использование его имени для провокации не столько личное отношение поэтов к личности великого русского писателя, сколько соответствие идеям футуризма, попытка отстоять поэтическую идеологию. Со временем, в период зрелости, многие поэты пересмотрят свои взгляды и будут воспринимать Толстого уже как великого русского писателя и философа.

Обращение к Толстому будет происходить или в связи с признанием его абсолютного литературного авторитета, или иронически используя профанный миф о писателе. Но даже тогда, когда В. Маяковский явно высказывает неприятие идеологии Толстого, он отдает должное его творческому дару и глубине личности.

В толстовском тексте поэты-футуристы используют мифологему о непротивлении зла насилием, связанную в читательском и авторском сознании исключительно с Толстым. Конечно, Л.Н. никогда не говорил о том, что он боится идти на войну, трусит военного положения, но зачастую эта мифологема профанного вектора биографического мифа О Толстом интерпретировалась именно страхом и бессилием. Идея о непротивлении злу насилием вызревает у писателя еще в годы Крымской войны, но он не отрицает патриотизма каждого отдельного человека, Толстой отрицает официальное государственное представление о патриотизме. Не противясь насилию, человек останавливает распространение зла в мире. А Маяковский развивает данную мифологему в соответствии с близкой ему большевистской идеологией, настаивающей на решительных революционных действиях.

Выводы. Поэты-футуристы использовали мифологизированные представления о личности Л. Толстого в профанном и сакральном смыслах. При этом зачастую одна и та же мифологема о Толстом в различных произведениях проявлялась у Маяковского по-разному.

Одна из самых распространенных мифологем «Толстой – самый крупный и самый известный русский писатель» в стихотворении «Ещё Петербург» интерпретирована двувекторно: как абсолютное признание великости Толстого и профанно. В статье «Два Чехова» и пьесе «Клоп» представлена та же двойственность: и принижение, и признание. То же наблюдаем в первой картине пьесы «Клоп».

Благодаря футуристическому мировидению имя Толстого чаще всего использовалось Маяковским в контексте ироническом и даже уничижительном. Во многом этому способствовало общее представление, что Толстой равен движению толстовства, хотя сам писатель явно сторонился массовости своих последователей, хотя по отдельности многих любил и признавал. Отношение к толстовству, как к любому идеологическому объединению людей похожему на секту, в обществе было ироническим. В результате рождаются такие мифологемы как: «Толстой – непротивленец злу насилием» (поэма «Война и мир», пьеса «Мистерия-буфф», стихотворения «Лев Толстой и Ваня Дылдин», «Вегетарианцы», «Непобедимое оружие»), «опрощение Толстого» (цикл статей «Штатская шрапнель», поэма «Война и мир») и «Толстой-вегетарианец» (стихотворения «Сердечная просьба», «Вегетарианцы», «Непобедимое оружие» и других).

Биографический миф писателя составляет не только его учение, но также и колоритный облик. Борода Л. Толстого становится особой мифологемой, которая используется В. Маяковским во многих произведениях. Поэт дополняет знаменитой бородой облик непротивленца, делает ее символом писательской одаренности, сравнивает с бородой К. Маркса («Война и мир», «Клоп», «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского», «Слон и спичка»).

В стихотворении «Мелкая философия на глубоких местах» с элементами уже не просто иронии, а самоиронии представлена мифологема «Толстой-философ».

В стихотворении «Смена убеждений», в выступлениях поэта на Втором всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников, на Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей интерпретируется мифологема «Толстой – фундамент советской литературы». Сакральная сторона биографического мифа о Льве Толстом реализована в мифологеме «Лев Толстой – великий русский писатель».

Таким образом, для футуристов свойственно использование именного текста не только своих современников, но и представителей ушедших эпох. В соответствии с творческой концепцией поэтов, предполагающей отрицание сложившихся в обществе авторитетов, толстовский миф имеет профанную направленность.

ПРОИЗВОДНЫЕ ЧАСТИЦЫ СЛОЖНОЙ СТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Модина А. В.

*магистрантки кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета
славянской филологии и журналистики Таврической академии КФУ*

научный руководитель: к. ф. н., доцент Валеева Л. В.

nastyamodina@mail.ru

Введение. Частицы являются полноправным объектом лексикографического описания в современном русском языке. Исследование служебной лексемы во всех лингвистически существенных аспектах, создание полного лексикографического портрета той или иной единицы проводится лингвистами на протяжении значительного времени. Несмотря на большое количество работ, посвященных частицам, данный класс слов оставляет много открытых вопросов для изучения. Одним из таких вопросов является лексикографическое представление частиц.

Цель работы – систематизировать способы описания частиц в современной русской лексикографии и выявить параметры формирования словарной статьи для производных частиц сложной структуры.

Служебная лексика в целом представляет собой «открытый» список лексем, о чём говорит нам несовпадающее число служебных слов в разных словарях. В толковых словарях состав таких единиц в некоторой степени урегулирован, однако в случае со словарями специального предназначения ситуация другая: количество служебных слов варьируется. В связи с этим составление словаря служебной лексики, который сможет объединить все единицы данного класса, является важной задачей современного языкознания.

Мы рассматриваем частицы как класс служебных слов, выделяющийся наряду с предлогами и союзами в системе частей речи русского языка. В рамках антропоцентрической парадигмы функциональная значимость частиц определяется формированием речевых актов, а также передачей коммуникативных характеристик сообщения. Первичные функции частиц проявляются, прежде всего, в диалогической речи.

В современном русском языке существует много устойчивых сочетаний, которые функционируют в тексте как частицы и приобрели дифференциальные признаки данной части речи. Данные языковые формы не отмечены в словаре как самостоятельные единицы, они описываются в словарных статьях, заглавным компонентом которой является лишь один элемент рассматриваемых сочетаний. Такие единицы в нашем исследовании определены частицами сложного состава.

Для формирования корпуса производных частиц сложной структуры и выявления параметров их описания были рассмотрены лексикографические источники специального предназначения, такие как «Словарь русских частиц» Шимчук Э. и Щур М. (2000), «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову» Рогожниковой Р. П. (2001), «Словарь служебных слов русского языка» под ред. Е. А. Стародумовой (2003). В ходе анализа были выделены и объединены все интересующие нас единицы, а также сопоставлены способы их описания. В каждой из данных работ частицы представлены посредством наборов различающихся параметров; способы описания в специальных словарях значительно шире, чем в толковых.

Результаты. Изучив необходимые источники, мы выделили несколько групп производных частиц сложного состава: общепринятые частицы, которые проиллюстрированы в каждом словаре, так как они в русской лексике выделяются с времён первых грамматик, эти языковые единицы стабильны и динамичны (*всё же, только лишь*); частицы, описанные лишь в некоторых словарях (*тоже мне, ещё бы*); частицы с «размытой» грамматической принадлежностью, причиной чему является их полифункциональность (выражение *ну и ну* в одном из словарей отмечается как частица, а в двух других – как междометие).

Так как способы формирования словарной статьи производных частиц сложной структуры варьируются в словарях, в процессе исследования были объединены все характеристики и выделены системообразующие параметры описания частиц в словарях специального назначения. Ими являются семантический разряд, стилистическая характеристика, толкование с иллюстрациями, особенности употребления, синонимы и омонимы.

В ходе исследования было выделено пять единиц, которые не описаны в современной лексикографии, но упоминаются в научных трудах: *короче говоря, кроме того, так нет же, того и гляди, туда же*. Методом трансформационного анализа, то есть заменой новой единицы на общеизвестную частицу, мы доказали, что данные единицы являются частицами. Частица *короче говоря* тождественна по семантике частице *собственно*; *того и гляди* по своей функциональности схожа с частицами *вдруг* и *чай*; *кроме того* можно использовать наряду с *всё же* и *всё-таки*; единицу *так нет же* заменяют частицы *едва ли* и *какое там*; частица *туда же* аналогична частице *тоже*.

Выводы. В ходе работы сформирован корпус производных частиц сложного состава, представленных в современной русской лексикографии, а также выявлены основные параметры описания данных единиц. Лексикографически описаны новые единицы *короче говоря, кроме того, так нет же, того и гляди, туда же*, которые по своим функциональным показателям являются производными частицами сложного состава.

МУЛЬТИЭТНОЛЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ: KANAK SPRAK И KIEZDEUTCSH

Мынзул Е. О.

*студентка 4 курса кафедры немецкой филологии Института иностранной КФУ
научный руководитель: Воронцова Н. К., старший преподаватель кафедры немецкой
филологии Института иностранной КФУ им. В. И. Вернадского*

katechryler@mail.ru

Введение. Общество современной культурной и исторической эпохи представляет собой подвижную, быстро меняющуюся систему, которая включает в себя множество субкультурных, территориальных и этнических образований. Так и Kiezdeutsch – язык социально-возрастной группы, существенно отличается от нормативного немецкого языка. Kiezdeutsch – это новый диалект немецкого языка, который образовался в жилых районах Германии, с высокой долей мигрантов среди молодежи. Примерно с середины 1990-х годов, молодежный язык попал в поле зрения общественности. Kiezdeutsch отличается от литературного немецкого языка в разных областях. Различия определяются на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях.

Целью работы является определение сущности мультиэтнолекта Kiezdeutsch с позиции социолингвистики, анализ особенностей мультиэтнолекта Kiezdeutsch на различных языковых уровнях, а так же анализ социолингвистических особенностей языкового поведения носителей мультиэтнолекта Kiezdeutsch.

Результаты исследований. В Германии, где пятая часть составляет иммигрантское население, уже в 2000 году начались научные исследования молодежного сленга в мультиэтнических районах.

Исторически мультиэтнолект Kiezdeutsch является одной из разновидностей Kanak Sprak. Аудиторией Kanak Sprak являются подростки, которые общаются на просторах интернета. Но стоит отметить, что эти подростки выходцы из арабо-язычных стран. Kanak Sprak используют мигранты, которые плохо говорят на немецком языке, а Kiezdeutsch напротив, используют жители, которые знают литературный немецкий язык. Для большей части жителей Германии, Kanak Sprak, был ругательным, но на сегодняшний день он стал не только современным сленгом молодежи, но и используется в разных сферах жизни, в том числе и публичной. Словарный состав Kanak Sprak состоит из 300 слов и делится на 3 части: первая часть состоит из вульгарных слов, вторая часть включает слова, обозначающие автомобильные бренды и модели, третья часть содержит слова из технической области, а также из лексики необходимой для понимания речи.

Заметим, что в отличие от других этнолектов, таких как Turkendeutsch, Turkenslang, Kanak (sprak), Türkenpidgin, которые активно используются только молодежью турецкого происхождения, Kiezdeutsch вышел за рамки этнических групп и получил распространение в немецкоязычной молодежной среде.

Молодежный сленг явление постоянное, особенность Kiezdeutsch заключается в том, что данный молодежный язык развивался в контакте с другими языками. Подобные молодежные сленги существуют и в других европейских странах, например, в Нидерландах, Дании и Швеции. Таким образом, Kiezdeutsch не является изолированным немецким явлением. Стоит отметить, что характерно для Kiezdeutsch то, что он развивался в общей повседневной жизни молодых людей разного происхождения. Такие многоязычные концепции создают среду, которая особенно благоприятствует лингвистическим инновациям. Необходимо подчеркнуть возможность превращения Kiezdeutsch в диалект немецкого языка, так как в Kiezdeutsch обнаруживаются изменения на всех языковых уровнях, тем самым, образуя самостоятельную систему.

В Kiezdeutsch прослеживается тенденция экономии речевых средств, которые мы можем проследить на всех языковых уровнях – фонетических, лексико-синтаксических, а также грамматических. Сжатие информации достигается путем максимального сокращения языковых единиц, также выбором простейших синтаксических структур. Приведем

несколько примеров: *Der junge war fünf jahre in knas.;* *Mein partner oKAY wie hast DU dein fRau umgebRacht?;* *Ich gehe nachher Kino.* Отметим, что коренные немцы, участники коммуникаций, говорят на мультиэтнолекте Kiezdeutsch с целью социальной и культурной самоидентификации, чтобы подчеркнуть принадлежность к социальному меньшинству или определенному кругу. Но стоит им попасть в другую среду, они легко переключатся на литературный язык.

Выводы. Миграционные процессы современности неизбежно приводят к взаимодействию и взаимообмену культур и языков различных народов. В устной форме мультиэтнолект имеет лингвистические особенности такие как, упрощение на всех уровнях грамматики, многочисленные лексические заимствования, в основном из турецкого языка, англо-американский словарь, а именно влияние языка музыкальных стилей хип-хопа и рэпа.

Экономия речевых выражений, характерных для Kiezdeutsch, соответствуют духу времени, и является не только неотъемлемой частью молодежного сленга, но также проникает во многие области устного повседневного общения, общения в интернете на форумах, блогах и социальных сетях.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
В 1930-е ГОДЫ: КНИГА Б. Л. НЕДЗЕЛЬСКОГО «ПУШКИН В КРЫМУ» В
ОЦЕНКЕ Е. В. ПЕТУХОВА

Орехова Л. А.

*профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической
академии КФУ им. В. И. Вернадского*

la.orehova@gmail.com

Введение. В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в личном фонде чл.-корреспондента АН СССР (с 1919 г. – профессора Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе) Евгения Вячеславовича Петухова (1863-1948), среди писем и личных заметок хранится отзыв о дипломной работе выпускника института Б. Л. Недзельского (Ф. 669, ед. хр. 63, л. 2-3 об.). Этот архивный документ никогда не публиковался и не введен в научный оборот. Но отзыв Е. В. Петухова, подтверждающий высокий научный уровень дипломного исследования, обусловил возможность опубликовать этот труд в 1929 г., приурочив издание к 130-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина. До наших дней ни одна работа о пребывании поэта в Крыму не обходится без отсылок на книгу Б. Л. Недзельского.

Цель работы – обозначить те методологические аспекты книги Б. Л. Недзельского, которые подтверждают приверженность автора академическому литературоведению, что, в свою очередь, свидетельствует об устойчивой «академической» тенденции в филологическом воспитании студенчества. В работе решаются следующие **задачи**: выявляются аспекты изучения темы «Пушкин в Крыму» и личный исследовательский вклад Б. Л. Недзельского в разработку проблемы; восстанавливается история книги Б. Л. Недзельского и история ее признания в научном сообществе. В работе использованы культурно-исторический, биографический и идиографический методы анализа.

Результаты исследований. Представляемый отзыв написан рукой Е. В. Петухова, скреплен его подписью; текст без существенных помарок; расположен на 2 (с оборотами) тетрадных страницах в линейку; датирован 20 января 1929 г. Как ни старался Е. В. Петухов сохранять беспристрастную манеру, в отзыве проглядывает его радость за молодого исследователя; дипломная работа становится для профессора-руководителя в значительной мере характеристикой личности Недзельского: «Тема, взятая т<оварищем> Недзельским, представляет известные трудности для научной обработки. Они заключаются, с одной стороны, в том, что относящийся сюда материал слишком известен и требует от автора особой внимательности для того, чтобы отыскать что-либо новое, а с другой стороны, – связанные с этой порой жизни и творчества Пушкина вопросы настолько запутаны и полны противоречий в решении их другими авторами, что нужна значительная аналитическая зоркость и даже известная смелость при новой их обработке. Прямо можно сказать, что автор настоящего сочинения довольно хорошо справился и с той, и с другой трудностями». Среди достоинств работы – «весьма основательная осведомленность автора в научной литературе о Пушкине за тот период, который был означен взятой им темой», анализ всех известных материалов и «пополнение» их «своими личными наблюдениями тех мест и предметов, которые так или иначе связаны были с пребыванием Пушкина в Крыму». Обратим внимание, как пишет Петухов о недостатках работы: «К недостаткам работы т. Недзельского относятся кое-какие частности, указанные мною автору при первоначальном ознакомлении моем с его работой и в значительной степени исправленные в ее окончательном тексте, представленном для настоящего отзыва. Кроме того, остается неизменной самая структура работы, в которой чисто биографический элемент чрезмерно преобладает над историко-литературным. Но это, скорее, вина (выделено мною. – Л. О.) имеющихся источников, нежели самого автора». Последнее замечание («вина») достаточно тревожно, если учесть, что в 1920-1930 годы шла острая полемика между «академическим»

и, условно говоря, социологическим литературоведением, перерастающих в дилетантских случаях в вульгарный социологизм.

Книга Б. Л. Недзельского «Пушкин в Крыму» вышла в Крымском госиздательстве тиражом 2000 экз.; под текстом указаны даты начала и окончания работы: май – декабрь 1928. С докладом о книге Б. Л. Недзельский выступил 16 апреля 1929 г. на заседании Таврического Общества истории, археологии и этнографии (преобразованного в 1923 г. из Таврической ученой архивной комиссии). Сохранился протокол (№ 86) заседания под председательством А. И. Маркевича, автора работы «Пушкин в Крыму и Крым в произведениях Пушкина» (Симферополь, 1887). Заседание открылось докладом Б. Л. Недзельского, и, как зафиксировано в протоколе, по предложению председателя и секретаря (историка Н. Л. Эрнста. – *Л. О.*) Б. Л. Недзельский избран членом Общества».

В эти годы Недзельский преподает в пединституте; опубликованная в «Известиях Крымского пед. ин-та им. М.В. Фрунзе» (Симферополь, 1930. Т. 3. С. 116-132) его большая статья «Изучение поэтического текста как метод выявления литературных влияний» свидетельствует о широкой и основательной историко-литературной подготовке автора. Одновременно он готовит материал о драматурге С. А. Найденове. Его книга «Пушкин в Крыму» в 1936 г. была рекомендована ко второму (прераб. и дополн.) изданию к 100-летней годовщине со дня смерти А. С. Пушкина. Однако издание не состоялось: 24 сентября 1936 г. выходит «разоблачительная» статья сотрудника газеты «Красный Крым» (№ 222, с. 3) В. Вихрова (настоящая фамилия *Зайко*), где Недзельский грубо обвинен в следовании «академизму» и «крохоборческому пушкиноведению», в «мелочном копании в десятистепенных фактах и фактиках биографии и творчества поэта». Это обстоятельство стало решающим. Б. Л. Недзельский переводится в Дагестанский пединститут заведующим кафедрой литературы. 21 января 1937 г. Борис Леопольдович Недзельский был арестован, обвинен по ст. 58-10 УК РСФСР, осужден 10 марта 1938 г., приговорен к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 16 апреля 1958 г.

В свете сказанного становится понятной «защищающая» фраза в замечании Е. В. Петухова о работе Недзельского о «преобладании» «биографического элемента» над историко-литературным: «Это, скорее, вина имеющихся источников, нежели самого автора».

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Перепечкина С. Е.

доцент кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии (СП)

КФУ им. В.И. Вернадского

s.perepechkina@gmail.com

Введение. Традиционно исследование социолектов проводится в рамках социолингвистики и социофонетики, когда выявляются характерные особенности речевого поведения представителей какой-либо социальной группы в той или иной речевой ситуации, т.е. в качестве основных факторов, определяющих специфику речи, рассматриваются социальные (профессиональная, сословная, гендерная, возрастная принадлежность). Тем не менее, представляется, что именно в контексте социолингвистики могут быть использованы наработки лингвокультурологического направления, основоположником которого можно считать Л.В. Щербу, видевшего в языке не только его социальную природу, но и его культурную и индивидуально-личностную сущности (см., напр., «Языковая система и речевая деятельность»).

Цель данной работы заключается в обосновании значимости учета когнитивного и культурологического аспектов в контексте современных социолингвистических исследований. Основной метод – аналитический; основная задача – выявить спектр возможностей применения лингвокультурологического подхода в социолингвистических исследованиях и определить в этой связи их предмет.

Результаты исследований. Точкой пересечения социолингвистической дихотомии «язык – общество» и лингвокультурологической «язык – культура» является язык, следовательно, он есть продукт социального и культурного развития. В рамках проблемы «язык – общество – культура» описание *культуры* возможно через факты ее отражения в языке, а *языковые* факты интерпретируются через «внеязыковой компонент», т.е. социальный фактор. Взаимосвязь между обществом, языком и культурой позволяет исследовать не только язык говорящих субъектов, но и то, как в их языке отображаются социальные отношения, убеждения, ценности, социальные стереотипы, т.е. их мировидение и мировосприятие. В этом случае представителей той или иной социальной группы можно рассматривать и как *лингвокультурный* социум. Исследование социолектных форм языковой реализации в ракурсе культурологическом и когнитивном отвечает интересу современной лингвистики, рассматривающей речевое поведение индивида в комплексе его характеристик – социальных и мировоззренческих. Объектом внимания исследователей в этом направлении становится ряд проблем, связанных с принадлежностью членов социальной группы к той или иной лингвокультуре, а именно:

- особенности их фрагмента в общенациональной языковой картине мира;
- культурные константы (концептосфера) языковой «субкартины» мира;
- система ценностей (аксиосфера) представителей социальной группы, выраженная при помощи вербального кода.

Каждый социолект обнаруживает определенное своеобразие, которое проявляется не только в плане выражения (особенно на лексическом уровне), но и в различной ментальной обработке выражаемого, и, как следствие, в различной организации языковых единиц. Так, молодежный сленг отображает менталитет молодых людей и понимается уже как специфический феномен культуры, который репрезентирует их эмотивно-оценочную картину мира. Как показали исследования, наиболее важными для молодежи являются концепты «взаимоотношения (общение/дружба/вражда)» и «любовь».

В каждом фрагменте языковой картины мира отражается специфика восприятия и понимания действительности социальными, возрастными, профессиональными, гендерными и прочими группами людей. (Известно, что одни и те же факты действительности или события могут по-разному восприниматься и интерпретироваться в разных группах людей – мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, деятелями политических партий и т.д.).

Лингвокультурологическую направленность имеют социолингвистические исследования в би- и мультилингвальном сообществе, поскольку и здесь невозможно не учитывать воздействующего фактора иной культуры. Глобализационные процессы, происходящие в мире, способствуют усилению контактов разных языков и культур: языковая интерференция, в частности, может рассматриваться в связи с формированием бикультурной личности. А языковая рефлексия ментальных особенностей мультиэтнолектной (социальной) группы, ее восприятия и оценки мира расширяют круг проблем социолингвистики, имеющей потенциал динамичного развития.

В рамках социофонетических исследований в аспекте лингвокультурологии особый интерес представляет просодический уровень: мелодика, тембр, интенсивность голоса могут рассматриваться как культурно окрашенные феномены, соотносящиеся с теми или иными сословными и статусными характеристиками членов языкового сообщества.

Выводы. Комплексное исследование речевого поведения человека как социальной, языковой и культурной личности обеспечивается интеграцией методов социолингвистики и лингвокультурологии. Исследование социолектов в новом ракурсе расширяет традиционную тематику и способствует получению корпуса данных, характеризующих индивида и как представителя определенной социальной группы, и как представителя культурной общности: его мышление, мировоззрение и духовная культура так же, как и социальная принадлежность, оказываются значимыми факторами.

КУЛЬТУРОМОВНІ ПОШУКИ М. РИЛЬСЬКОГО

Пелипась М.І.

доцент кафедри української філології факультету слов'янської філології і журналістики Таврійської академії КФУ

Вступ. Культура мови – це, як відомо, – не лише високий рівень володіння нормами усної і писемної літературної мови..., а й свідоме, цілеспрямоване, майстерне використання мовно-виражальних засобів залежно від мети й обставин спілкування. Наука про культуру мови – окрема галузь мовознавства, яка, використовуючи дані історії української літературної мови, граматики, лексикології, стилістики, словотвору, виробляє наукові критерії в оцінці мовних явищ. Важливими складовими частинами культури мови є ортологія, лінгвостилістика (функціональна та експресивна оцінка мовних засобів). Головне завдання культури мови – виховання навичок літературного спілкування, засвоєння й стабільне використання літературних норм у слововжитку, граматичному оформленні мови, у вимові та наголошуванні, неприйняття спотвореної мови або суржику.

Грунтовними дослідженнями у царині культури української мови є праці Ю. Яновського, П. Панча, О. Гончара, Б. Харчука, Д. Білоуса та Б. Антоненка-Давидовича, М. Пилинського, О. Тараненка.

Мета роботи – аналіз літературної та наукової спадщини М. Рильського, що має важливе значення для розв'язання нагальних проблем української мови.

Проблематика дослідження зумовлює розв'язання низки конкретних завдань: 1) провести дослідження теоретичної і практичної діяльності М. Рильського в галузі культури художньої мови; 2) висвітлити ставлення М. Рильського до різних аспектів нормативних засад і культури художньої мови, до її стилістичних засобів; 3) простежити міркування видатного вченого, щодо численних фактів порушення співаками мовних норм, відступів від оригінального тексту.

Результати досліджень. Глибоке знання як української, так і низки інших мов, обізнаність з досягненнями мовознавства, несхитна переконаність у безмежних можливостях рідної мови й усвідомлення власної причетності до розвитку національної культури – ось ті фактори, які штовхали М. Рильського до активної роботи на ниві мовної культури, до боротьби за її чистоту і правильність. Вчений неодноразово наголошував на тому, що саме робітникам пера вручено коштовний скарб, неоціненний алмаз: народне слово. Тому письменники мають обов'язок – доглядати його, стерегти його, шліфувати його, щоб дедалі більше граней у ньому переливалось і виблискувало, відбиваючи все незрівнянне багатство наших днів. Проте значення мови та її культури полягає не тільки у створенні художніх творів, а й у піднесенні науки, виробництва, освіти, культури всього народу. Адже мова, на думку М. Рильського, могутнє знаряддя і для спілкування людини з людиною, і для наукової та публіцистичної думки, і для ораторського мистецтва, і для поетичної творчості, і для ділового листування, і для дипломатичних переговорів і т. ін. Не тільки поет, прозаїк, драматург, але й фізик чи математик доконче повинні мати до своїх послуг багатий, гнучкий, точний і виразний мовний апарат.

М. Рильський з неослабною увагою стежив за дотриманням норм української мови і критикував відступи від них як у загальнонародному розмовному мовленні, так і в мові художньої літератури на всіх рівнях мовної структури.

Письменник, постійно стежачи за мовою художньої літератури і газетно-журнальної продукції, раз у раз з гіркотою відзначав: „...коли вже зайшло про літературу і пресу, то не можна тут обійтись без гіркового зітхання. Прочитавши кілька номерів першої-ліпшої нашої газети, доконче зустрінеш не тільки усталені вже, узвичаєні, на жаль, а проте помилкові, чужі характерові української мови зврати, вживання слів у невластивому значенні тощо, а й пересвідчишся – і це ще гірше лихо – в бідності лексичного запасу, в жахливій убогості синтаксичних конструкцій, властивих деяким (не всім, звичайно) нашим журналістам. Та й у художній літературі не все гаразд. Мені, наприклад, завдає болю уперте вживання декотрими

нашими прозаїками дієслова „нервувати” (що відповідає російському „нервировать”) у значенні „нервуватися” (російське „нервничать”). Ставлення письменника до мови художньої літератури та до літературної мови в цілому з однаковою увагою як до змісту, так і до мовного оформлення твору перегукується з ідеями, висловленими раніше О. Потебнею.

Як людина, що одержала різностороннє виховання, закоханий в українську народну пісню, знавець і тонкий цінитель оперного мистецтва, М. Рильський не міг стояти осторонь численних, на жаль, фактів порушення співаками мовних норм, відступів від оригінального тексту і просто неуважності, а то й неповаги до текстової основи музичного твору. Він був змушений констатувати: „Неповага і неувага до словесного тексту – поширене у нас, а проте неприпущенне явище. Саме цією неповагою і неувагою можна пояснити слабеньку дикцію багатьох наших співаків-солістів, ансамблів і хорів. Саме через цю неповагу і неувагу дехто з наших українських оперних співаків так немилосердно перекручує тексти, що виходить мова і не українська, і не російська”.

Випадки невправності у звуковому інструментуванні текстів та акцентуаційних відхилень учений відзначає і в іншій статті: „Не тішать мене й окремі наголоси, хоч деякі з них і прищепились у нашій мові: „завжди”, „друга”, „кажу”, „отаман”, „Полтавщина”. Нормальною українською мовою „Полтавщина”. Ще більше смутять мене тяжкі збіги приголосних, що трапляються, на жаль, у багатьох товаришів: „шляхом йти”, „як любила, так й тепер кохаю”; „з кожним вдаром”, „травень йде”, „радість й горе”. У статті „Батьки і діти” М. Рильський, аналізуючи перші збірки тепер уже відомих українських поетів М. Вінграновського, І. Драча, В. Коротича, констатує в їхніх творах і факти мовно-стилістичних огріхів (наприклад: „Не курличуть черногузи, любий Миколо, вони тільки клацають дзьобами. Курличуть інші птахи, що ніколи не гніздяться на хатах, – журавлі...”, а також формальних „викрутасів”, нечіткості вираження за допомогою мовних засобів ідеї твору. Письменника обурювали випадки невмотивованих відступів від тексту при виконанні авторських і народних пісень. Так, у відомій пісні на слова М. Старицького з першим рядком „Ніч яка, Господи, місячна, зоряна...” „співаки наші, побоюючись „релігійного” звернення „Господи”, воліють замінити його на „зоряна”. Хай і так, – хоч релігійності в цьому зверненні стільки ж, як і в щоденному нашому „спасибі” („спаси Бог”). Але як же вони, музикальні люди, не помічають, що, заганяючи слово „зоряна” в середину рядка, а в кінці його ставлячи „ясная”, вони вбивають таку виразну риму: „зоряна – зморена”?”. Вчений привертає також увагу до можливості й небезпеки міжмовної омонімії в розумінні тих чи інших слів твору.

Чимало недоречностей доводилося спостерігати письменникові в інтерпретаціях співаками перекладних оперних лібрето: це випадки суб’єктивно-невмотивованого втручання виконавців у мовну основу музичних творів, причому співаки нерідко відштовхувалися не від тієї мови, якою мав виконуватися твір, тобто української, а від іншої мови – російської, яка була мовою повсякденного спілкування артистів і яку вони наївно сприймали навіть як оригінальну мову лібрето.

Висновки. Сам блискучий стиліст, М. Рильський лишив свої міркування про культуру художньої мови та мовну природу поетичної майстерності, а також критичні зауваження з приводу порушення стилістичних норм і, як наслідок, збіднення художньої палітри літературного твору в доробку ряду українських письменників, збіднення арсеналу виражально-зображальних засобів у мові публіцистики. Вчений постійно наголошував на значенні культури української мови як для збереження та шліфування краси і самобутності самої мови, так і для розвитку культурно-освітнього рівня мовців. Він привертав увагу до ролі художньої літератури, театру, засобів масової інформації, школи у вихованні в людей навичок культури мовлення.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ ЗАИМСТВОВАННОЙ ОСНОВЫ ДЕКОР-

Петров А. В.¹, Чепурина И. В.²

¹д-р филол. н., профессор, зав. кафедрой русского, славянского и общего языкознания
Таврической академии КФУ

liza_nada@mail.ru

²к.филол.н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической
академии КФУ

simgt@inbox.ru

Введение. Осново- и словосложение являются продуктивными способами словообразования в славянских языках, с помощью которых пополняется словарный состав (Н. Ф. Клименко). На современном этапе развития языка увеличиваются производные с заимствованными основами. Например, в русском и украинском языках возрастает продуктивность заимствованных основ-классификаторов, прежде всего греко-латинских (Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловская, Л. П. Кислюк, И. Кочан, Г. С. Онуфриенко, Л. В. Рацибурская, Ю. В. Романюк). Интенсивно протекает процесс перерождения композитных основ в абброосновы и в основы смешанного типа: **асбесто-** → **асбо-**, **алюминиево-** → **алюмино-**, **-алюмин** → **алюмо-**, **алюм-** → **-ал** (*алюминиево-хромовый, дюралюмин, алюмель, алюминотермия, алюмотермия, дюраль*) и др. В то же время наблюдается обратная тенденция, ведущая к затуханию ранее активных основ (А. В. Петров). Освоение заимствований способствует расширению их словообразовательного потенциала, а также приводит к выделению новых основ.

Словообразовательная продуктивность основ прослеживается в границах гнезд. Так, исследование сложных слов позволяет уточнить отдельные положения дериватологии. Например, лингвисты отмечают, что основы непроизводных слов обладают большим деривационным потенциалом, чем основы производных слов. Однако влияние производности / непроизводности на словообразовательную продуктивность слов определяется частеречной принадлежностью: в именах прилагательных деривационную активность проявляют производные различных словообразовательных ступеней. Более того, в гнезде продуктивность той или иной основы зависит от её морфемного строения.

Цель исследования – показать, что продуктивность основы зависит от её морфемной структуры. Раскроем это на примере словообразовательного гнезда с вершиной «декор».

В работе использовались следующие лингвистические **методы исследования**: описательный метод, лексикографический метод, морфемный и словообразовательный анализ, метод моделирования с опорой на Интернет-ресурсы.

Результаты исследований. Основы *декор-*, *декоративно-*, *декорационно-* восходят к фр. *décor* 'архитектурная система, совокупность декоративных элементов'. В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой лексическая единица *декор* подаётся с пометой *спец.* (специальное). Лексема употребляется в составе следующих конструкций: «**декор + сущ. в Р. п.**» (*декор потолка, декор стен*), «**сущ. в И. п. / В. п. + предлог с + декор в Тв. п.**» (*платье с декором, ваза с декором*), «**прил. + декор**» (*резной декор, лепной декор*), «**декор + предлог для + сущ. в Р. п.**» (*декор для дома*), «**декор + предлог из + сущ. в Р. п.**» (*декор из пенопласта*). Входят в литературный язык производные синоязычными префиксами, например, «антидекор», «псевдодекор», «супердекор» и др. С различными префиксами сочетается отымённый глагол «декорировать»: **за-** (*задекорировать потолок*), **про-** (*продекорировать комод*), **пере-** (*передекорировать комнату*). Активизируются и причастные образования: *декорированный* (потолок, воротнички), *декорирующий* (машина). В современном русском языке основа *декор-* проявляет активность в составе сложных субстантивов, называющих различные компании: «Автодекор», «Декор-студия», «Декорлюкс», «ПромДекор» «Сибдекор», студия «Фотодекор». Основа располагается преимущественно в постпозиции: *видеодекор, фитодекор*. В «Словообразовательном

словаре русского языка» А. Н. Тихонова в гнезде с вершиной «декор» зафиксировано незначительное количество сложных слов: существительное «кинодекорация», 6 композитов с основой *декоративно-* и один композит с основой *декорационно-* (*декорационно-постановочный*). В словаре-справочнике Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой зарегистрировано 33 производных с основой *декоративно-* в препозиции и соответственно 10 сложений в постпозиции. В последующие годы лексикографические источники отмечают появление новых композитов с этой основой: *декоративно-новаторский* (НРЛ-86), *декоративно-гримировочный* (НРЛ-91), *декоративно-пейзажный* (живопись), *декоративно-бутафорский* (цех), *декоративно-малярный* (отделка) и др.; *архитектурно-декоративный* (фасадные элементы), *театрально-декоративный* (искусство), *художественно-декоративный* (паркет) и др. Продуктивность проявляет также адекватная основа *декорационно-*. Так, в словаре-справочнике Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой было отмечено одно производное с этой основой в препозиции (*декорационно-постановочный*) и три – в постпозиции (*кинодекорационный*, *театрально-декорационный* и *художественно-декорационный*). С течением времени количество сложений с этой основой увеличивается: *декорационно-живописный* (работы), *декорационно-изобразительный* (материалы), *декорационно-монтажный* (цех), *декорационно-художественный* (оформление), приведём также примеры с постпозицией основы: *бутафорско-декорационный* (цех), *изобразительно-декорационный* (оформление), *театрально-декорационный* (живопись), *художественно-декорационный* (цех), *машинно-декорационный* (цех театра).

На базе лексемы «декоративный» сформировалась аббревиатура *декор-*: *декорстекло*, *декоркраски*, *декорпанели*, *декорсостав*, *облицовочный декоркамень*, *декорпокрытие*, гели «Декорфил». Активно используется основа и в названиях различных компаний: «Декорсад», «Декорбетон», «Декормебель», «Террадекор», «БИОДЕКОР-М» (антисептик для древесины) и др. Постпозиция основы зафиксирована в субстантивах *аквадекор*, *аэродекор*, *фальшдекор*, *фитодекор*, «Геодекор» (журнал о ландшафтном искусстве). Основа отмечена и в составе аббревиатуры «декорлит» ‘изделия из искусственного мрамора’.

Начинают активизироваться в составе сложных слов субстантивы *декоратор* и *декорация*. Необходимо обратить внимание на то, что деривационно активными являются два значения лексемы *декоратор*: 1. Художник, пишущий декорации (*декоратор-живописец*, *декоратор-оформитель*, *декоратор-бутафор*, *живописец-декоратор*, *мастер-декоратор*, *художник-декоратор*, *бутафор-декоратор*, *менеджер-декоратор*). 2. Специалист по убранству, украшению зданий, помещений и т. п. (*декоратор-дизайнер*, *декоратор-флорист*, *цветовод-декоратор*, *артист-декоратор*, *программист-декоратор*, *садовод-декоратор*, *дизайнер-декоратор*, *флорист-декоратор*). Лексема развила новое значение ‘латексные шары, используемые для оформления’: «По свойствам латекса шары можно разделить на три вида: 1. Пастель. 2. Декоратор. 3. Металлик». Субстантив «декорация» ‘живописное или архитектурное изображение места и обстановки действия, устанавливаемое на сцене’ употребляется в составе сложных слов преимущественно в постпозиции. В композитах наблюдается варьирование семантики опорного компонента: нейтрализуются семы ‘устанавливаемое на сцене’ (*автодекорация*, *аквадекорация*, *видедекорация*, *кинодекорации*, *светодекорация* и др.) или семы ‘живописное или архитектурное (изображение)’: *стереодекорация*, *фотодекорации*.

Выводы. Широкая комбинаторика основ *декор-*, *декоративно-*, *декорационно-* свидетельствует об их продуктивности, способности участвовать в образовании новых композитов и аббревиатур. Параллельно с этим процессом мощность гнезда увеличивают производные с компонентами *декоратор* и *декорация*, образованные в результате осново- и словосложения.

ЗНАЧЕНИЯ СЛОЖНЫХ АДЪЕКТИВОВ С ОСНОВОЙ *-УСТОЙЧИВЫЙ*

Сляднева Н.А.

аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии КФУ

научный руководитель: д-р ф. н., профессор Петров А. В.
slyadneva.n@mail.ru

Введение. В исследовании уточняются процессы образования композитов со вторыми синонимичными адъективными компонентами и варьирования их семантики. Вариативные значения являются распространённым явлением в общеупотребительных композитах с постпозитивной основой *-устойчивый*.

Актуальность темы обусловлена тем, что в дериватологии отсутствуют наработки в области адъективного композитопродукции с синонимичными постпозитивными основами *-прочный, -стойкий, -устойчивый* и близкими по значению основами *-защитный, -упорный, -непроницаемый* и др., которые широко представлены в различных терминосистемах русского языка, но зачастую не фиксируются в лексикографической практике.

Новизна исследования определяется тем, что адъективные композиты изучаются с точки зрения внешней и внутренней валентности, в их взаимодействии, что позволяет системно изучить семантическую структуру сложных адъективов той или иной словообразовательной модели.

Цель работы – исследовать значения композитов с основой *-устойчивый*.

Методы исследования. На материале Интернет-источников с учётом различных сетевых разновидностей (блогов, газет, журналов, порталов, сайтов, форумов) методом моделирования был составлен словник композитов. При исследовании фактического материала был использован описательный метод, метод компонентного анализа, морфемный и словообразовательный анализ, валентностный и контекстологический анализ.

Результаты исследования. Компонентом значения композитов является лексическая и синтаксическая сочетаемость. Однако не всегда минимальный контекст даёт возможность выявить семантику композита, поэтому часть фактического материала анализировалась в широком контексте. Важным также представляется показатель того, с существительными и наречиями каких классов, подклассов, групп сочетаются постпозитивные основы сложных прилагательных.

Прекозитивные компоненты композитов по степени продуктивности были подразделены на: а) непродуктивные; б) продуктивные; в) сверхпродуктивные. В основу каждого деления были положены следующие признаки: 1) отнесённость к узуальным и неузуальным образованиям и 2) индекс разброса внешней валентности. Такой подход даёт возможность классифицировать значения по степени стандартности на: 1) узуальные; 2) новые и 3) окказиональные.

Для слов с **узуальными значениями** характерно свободное объяснение вне контекста или в миниконтексте, так как сумма значений морфем, составляющих слово, равна значению слова. У композитов с узуальным значением наблюдается высокая степень вхождения в речь, отсутствие экспрессивности, сложные лексемы реализуют своё значение в так называемом воспроизводящем контексте. *Фильтрующий пакет ISO9001 PP Nonwoen иглоустойчивый тканевый фильтр Baghouse* (ru.jsdustcollector.com).

В пределах группы с **новыми значениями** возникают композиты с нестандартной сочетаемостью, новые значения не относятся к сфере науки и техники, характеризуются определённой степенью экспрессивности и зависимостью от контекста. Для новых значений, к инвариантному значению добавляется вариант значения. *Требование фактоустойчивости* – теория должна быть достаточно надёжной, фактоустойчивой, гибкой, чтобы не разрушаться при появлении новых фактов, обладать максимальной выживаемостью (ka2.ru). Фактоустойчивая теория – ‘содержащая достоверные сведения’.

Справка для **фактоустойчивых** интеллигентов: И.А. Болдуэн де Куртенэ особо указывал на своё происхождение из династии иерусалимских царей (forum-antikvariat.ru). Фактоустойчивые интеллигенты – ‘не принимающие факты’. Важно отметить, что композиты могут совмещать наряду с основным значением (‘устойчивый к различным негативным воздействиям’) другие терминологические значения. По степени легирования различают две категории готовой стали: с высоким уровнем красностойкости; умеренно **красноустойчивая** (metallsortament.ru). Композиты этой группы могут относиться только к одной узкоспециальной сфере деятельности человека.

Если возникновение композита является следствием языковой игры, происходит нейтрализация инварианта значения с большей вероятностью появления нового, единичного значения, в результате этого появляется **окказиональное значение**. В этом случае вторая основа, утрачивая своё значение, базируется на индивидуальных ассоциативных связях. «... создать и вывести мичуринским способом новый вид **духоустойчивого безбожного человека для светлого будущего**» (proza.ru, Феликс Ветров, Грех). Духоустойчивый человек – ‘безбожник, не принимающий существования души’.

Продуктивность представленной словообразовательной модели создаёт высокую вероятность того, что соответствующие единицы имеют большой потенциал развития семантики, новые, ещё не зафиксированные в лексикографической практике значения будут узуализоваться и параллельно развиваться новые значения.

Композиты с основой *-устойчивый* имеют сходные значения с композитами на *-стойкий, -прочный, -упорный, -непроницаемый, -защитный*. Все эти группы лексических единиц имеют широкий разброс внешней валентности, и, как следствие, варьируют свою семантику, что является предпосылкой для дальнейшего развития словообразовательного типа.

Выводы. На базе инвариантного значения увеличивается разброс внешней валентности композитов. При расширении картотеки отмечается преобладание непродуктивной группы в композитах с основой *-устойчивый* с характерными для неё вариативными значениями. При выработанном словообразовательном автоматизме порождения производных происходит процесс активного расширения их семантики. Креативность в образовании композитов обуславливает возникновение новых, ранее не зафиксированных значений. Перспективой в исследовании семантики композитов видим в выявлении общности значений синонимичных групп сложений с целью определения системных явлений в композитопостроении, что является надёжной основой для словарного дела.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В СКАЗКАХ НЕМЕЦКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДОВ

Сулейманова А.Р.,¹ Перепечкина С.Е.²

¹ студентка Института иностранной филологии (СП) КФУ им. В.И. Вернадского, кафедра немецкой филологии

² кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии (СП) КФУ им. В.И. Вернадского

a.suleymanova017@gmail.com

Введение. Активная работа в области изучения языка устного народного творчества в его своеобразии разворачивается уже с 50–60-х гг. XX в. Именно в этот период формируется самостоятельная научная дисциплина – лингвофольклористика (термин А.Т. Хроленко). Ее создание было продиктовано потребностями комплексного изучения текстов народной словесности. Наряду с паремиологическим составом культурного фонда рассматривались также сказки, легенды и былины. Здесь ученых интересовали вопросы выявления специфики языка фольклора.

Целью данной работы является сравнительный анализ фольклорных текстов немецкого и крымскотатарского народов и выявление основных черт этнического менталитета, нашедших свое отражение в народном творчестве. Материалом для исследования послужил сборник немецких народных сказок Братьев Гримм «Märchen der Brüder Grimm» и сборник крымско-татарских народных сказок «Qrim tatar masalları». Методологической основой послужили труды культурологов и философов, исследователей фольклора и этнического менталитета, лингвистов – М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Н.И. Толстого, а также О.А. Абрамовой, Т.С. Корнеевой, Т. Б. Радбиль, А. Т. Хроленко и других. В работе использовался метод сплошной выборки и лингвокультурологического анализа, сопоставительный и описательный.

Результаты исследования. Изучая влияние культурных установок отдельного народа на его язык, ученые акцентируют свое внимание на этническом менталитете и ментальности. Выдвигаются теории о национальной специфике мировидения, отраженного в языке, в том числе теория о том, что языковая картина мира выступает как результат языковой концептуализации мира этносом. При этом лингвисты обращаются к культурному наследию народа – фразеологии, паремиологическому фонду, фольклорным жанрам (народным сказкам, легендам, сказаниям и былинам). Первостепенным источником ментального восприятия человеком всего сущего – природы, красоты вещей, ценностей – является фольклор. Именно в нем исследователи отмечают наиболее явное отражение ментальности народа: не только мотив, но и само слово (которое вычлняется из текста) способно передать черты этнического менталитета. Определить, как в слове аккумулируются культурные смыслы – одна из важных задач, стоящих перед языковедами.

Анализ сюжета сказок немцев и крымских татар показал наличие в них народных мотивов, в которых чувствуется некое «стереотипное поведение» народа, сложившееся на основе его ментальных свойств и мировидения. Менталитет прослеживается и в системе типичных художественных образов, раскрывающих ту или иную национальную черту. Так, злые духи и чудовища из легенд и сказок воплощают то, чего опасались люди, что вызывало у них страх, отторжение и неприятие; с другой стороны, они же представляют те обстоятельства и трудности жизни, которые способствовали формированию характера нации.

Суровые периоды в истории человечества также находят свое отражение в народных сказках, в частности, в характерных для некоторых из них мотивах каннибализма и жестоких наказаний (сказка «Von dem Machandelboom», написанная на нижненемецком диалекте; «Hänsel und Gretel»). В сказках продолжают жить образы германской мифологии – эльфы и гномы, русалки, великаны и карлики («Frau Holle», «Der Riese und der Schneider», «Die Nixe im Teich», «Die Wassernixe», «Der Geist im Glas», «Das Wasser des Lebens», «Schneewittchen»,

«Die Wichtelmänner»). Каждый образ имеет обычно свое символическое значение. Так, животные чаще всего олицетворяют человеческие пороки и множество других «недугов и изъянов», которые не поощряются в народе. К таковым относится трусость, глупость, самолюбование, гнев и многое другое. Для немцев очень важно сохранить такие качества, как доброта, преданность себе и ближнему, красота души, любовь, порядочность, чувство долга и справедливость. Кроме того, понятия порядочности, долга и справедливости имеют социальный характер.

Главные герои крымскотатарских сказок стоят на стороне справедливости и защищают права угнетённых. Детские сказки имеют воспитательный характер, они воспитывают в подрастающем поколении нравственность и борьбу против зла. К основным темам, волнующим народ, относятся: тема любви и ненависти, добра и зла, разума и глупости, смелости и трусости, а также тема справедливости. Нередко в крымскотатарских сказках упоминаются имена исторических личностей, присутствует множество колоритных фигур – султаны, падишахи, хитрый Тильки, напоминающий известную Лисичку-сестричку из русских сказок («Сказка о лисе и Беш-Салкым-бее», «Сказка о мудром ишаке», «Сказка о щедром хане и Мустафе Муждабе»). Исходя из тех концептуальных групп, которые мы выделили, можно сделать вывод о специфике менталитета крымских татар. Для этого этноса важно быть сердечным человеком, сострадающим, добрым и справедливым, храбрым, мудрым и не бояться противостоять злу во благо ближнего. Следует также отметить высокую степень религиозности народа. Сказки учат жить не только с любовью к окружающему миру, но и к Богу.

Выводы. Фольклор – зеркало нации, своеобразное отражение повседневной жизни народа, его природы и души. Рассмотрение языка фольклора как явления устного народного творчества – самый эффективный способ познания культуры той или иной народности.

Слово имеет очень важное для народа аккумулярующее свойство. Сказки сохранили в своей структуре множество черт национального мышления, представления о нравственных ценностях народа, отголоски древних верований и мифов, разнообразную богатую старинную лексику. Не остается больше сомнений, что между языком и культурой этноса образована достаточно прочная связь.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОЛОРАТИВА «КРАСНЫЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ А. А. БЛОКА)

Трушина А. О.

*студентка 2 курса магистратуры кафедры русского, славянского и общего языкознания
факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии КФУ*

научный руководитель: к.ф.н., доцент Валеева Л. В.

nastya_trushina@mail.ru

Изучение языковой картины мира – актуальное и перспективное направление в рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики. Наше обращение к колоративной лексике в картине мира художника слова обусловлено тем, что с помощью семантической интерпретации цветоименований, используемых автором, можно проследить его особое видение окружающей действительности. Анализ лингвоцветовой картины мира А. А. Блока не имеет комплексного подхода и не представлен в должном образе в работах лингвистов.

Цель исследования – выявление семантических особенностей восприятия красного цвета А. А. Блоком и место данного колоратива в художественной картине мира поэта. Методической основой анализа цветовой единицы является выделение номинативного, символического и образного словоупотреблений (согласно классификации Д. М. Поцепни). Материалом для анализа послужили тексты лирических произведений поэта.

Лексико-семантическая группа красного цвета в идиостиле поэта представляется наиболее обширной. Семантическая доминанта группы «красный» употребляется 103 раза. Частотными являются и такие колоративы, как «алый», «розовый», «багряный», «румяный», «пурпурный». Встречаются и окказиональные цветообозначения «пьяно-алый», «закатно-розовый», а также другие цветовые наименования синестетической направленности.

Лексикографические источники фиксируют 5 значений колоратива «красный»:
1. Цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака. 2. Относящийся к революционной деятельности, к советскому строю, к Красной Армии. 3. Употребляется в народной речи и поэзии для обозначения чего-нибудь хорошего, яркого, светлого. 4. Употребляется для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-нибудь (спец.). 5. Военнослужащий Красной Армии. Все данные узусные значения присутствуют в лирике А. А. Блока. Однако в большинстве случаев происходит осложнение семантики колоратива в результате актуализации контекстуальных сем.

Значение красного цвета в сочетании с лексикой тематической группы «рассвет» трансформируется: актуализируется сема «благочестивый» (*Я шёл к блаженству. Путь блестел // Росы вечерней красным светом*). Также в данной группе у колоративной единицы может выделяться сема «зловещий», восходящая к апокалипсическим мотивам (например, стихотворение «Невидимка»).

Многokrатным является употребление красного цвета с тематической группой «одежда». В таких синтагматических отношениях «красный» ассоциируется у А. Блока с непоколебимой силой и влечением, которые в конечном итоге приводят к неистовству («Благовещение»). Следует заметить и тот факт, что во многих стихотворениях красное одеяние указывает на падшую женщину, ступившую на порочный путь.

Описывая внешность человека, поэт часто использует красный цвет, актуализируя при этом семы «грех», «страдание». Ярким примером является стихотворение «Город в красные пределы», где А. Блок в целом воссоздаёт картину греховности с помощью красного и близкого к нему оттенков, а *красный дворник* становится невинным участником царящих событий.

Семы «абсурд», «сумасшествие» появляются в семантической структуре колоратива «красный» при изображении разного рода антропоморфных существ (*красный гном, красный карлик*). Причём абсурдная ситуация в таких стихотворениях создаётся и на сюжетном, и лексическом уровнях («Обман»).

При описании пламени в цветообозначении «красный» на первый план выдвигаются семы «сакральный» и «неприкосновенный». Так, в стихотворении «Покраснели и гаснут ступени» «красный» приобретает пророческую силу и предвещает воплощение далёких грёз. В других контекстах поэт связывает красное пламя с мучительным страданием и пролитыми слезами.

Неоднократно красный цвет А. Блок ассоциирует с образом Прекрасной Дамы. В таких контекстах красные предметы, красное пламя предзнаменуют скорое появление Дамы или таинство встречи с ней: *Расцветает красное пламя. // Неожиданно сны сбылись. // Ты идёшь. Над храмом, над нами – // Беззакатная глубь и высь.*

Актуализация дополнительного значения «горе» происходит и в сочетании колоратива с предметами быта (красный шкаф, красная посуда). В стихотворении «Она весёлой невестой была» дважды встречаем нити красного цвета. Они указывают на горестные страдания, которые испытывает старуха в связи со смертью её молодой дочери.

В небольшом количестве стихотворений номинативное словоупотребление «красного» не расширяется контекстуальными семами. Тем не менее, и в этом случае нельзя исключить важную функцию колоратива в формировании лингвоцветовой картины мира поэта. Например, изображая луну, А. Блок всегда использует красный цвет. Исследователи Д. Е. Максимов и З. Г. Минц связывают это с эсхатологическими мотивами в творчестве поэта.

Цветообозначению в лирике А. А. Блока присуще и абсолютное абстрагирование от ядерной семы, включающую цветовую характеристику, в данных случаях лексема «красный» является символом. Во всех контекстах символического употребления «красный» несёт положительную коннотацию и, чаще всего, выступает в роли сакрального знака в сочетании с лексемами «зов», «весть»: *Остался красный зов зари // И верность голубому стягу.*

В стихотворении «Прискакала дикой степью» встречаем образ «красного крика», символизирующего великую энергию жизненных сил. *Красный смех* в стихотворении «Сытые» (словосочетание, вероятно, возникло по аналогии с одноимённым произведением Л. Андреева) также символизирует силу, но силу молодую, способную противостоять «старому сытому миру».

Образных употреблений цветоименования «красный» в лирике автора выявлено немного, «красный» здесь является компонентом метафор: *красный червь* – пламя, *красный призрак* – рассвет, *красный паяц* – луна.

Выводы. Проведённый анализ различных словоупотреблений красного цвета в лирике А. А. Блока позволил выявить семантические возможности данного колоратива. В лирических текстах автора встречаются все 3 вида значений: номинативное, символическое, образное. Чаще всего красный цвет употребляется А. Блоком именно в номинативном значении, однако с актуализацией контекстуальных сем. Актуализация дополнительной семантики происходит в сочетании колоратива «красный» со словами следующих тематических групп: рассвет, одежда, внешность человека, антропоморфные существа разного происхождения, огонь и пламя, предметы быта. Символическое словоупотребление «красного» в лирике автора практически всегда имеет положительную коннотацию. Случаев образного употребления анализируемого цветообозначения зафиксировано только три (в составе метафор).

ОСОБЕННОСТИ «ЖЕЛТОЙ» ПРЕССЫ ГЕРМАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАБЛОИДА «BILD»)

Чистополова А.А.

*студентка кафедры теории языка, литературы и социолингвистики
Института иностранной филологии КФУ*

научный руководитель: к.филол.н., доцент Исаев Э. Ш.

a.chistopolova@yandex.ru

Введение. К бульварной («желтой») прессе относят, прежде всего, газеты, обладающие выделенным популярно-сенсационным оформлением, а также предлагающие аудитории сообщения с прямолинейным и вульгарным способом изложения. Пик распространения данной прессы на территории Германии приходится на вторую половину 20 века в период «холодной войны». Особым успехом среди читателей пользовалась газета «Bild».

Целью данного исследования является рассмотрение истории возникновения, а также структурных характеристик бульварной прессы Германии на примере газеты «Bild».

Задачи:

1. Проследить историю возникновения бульварной прессы в Германии.
2. Провести анализ газетных статей и определить особенности «желтой» прессы в сравнении с «качественной».

Результаты исследования. Первый номер «Bild» вышел на рынок печати 24 июня 1952 г. тиражом в 250.000 экземпляров. При создании газеты издатель Аксель Шпрингер ориентировался на бульварную печать Великобритании. «Bild» переняла у нее стиль и содержание. Так, первая полоса содержала политическую информацию, а на последней размещались недостоверные заметки о деятелях политики, культуры и искусства.

С октября 1952 г. при главном редакторе Рудольфе Михаэле в газете стали размещать больше текста, чем фотографий, а также крупные заголовки теперь имели не только сенсационные материалы. Выпуск затрагивал темы простого обывателя: от медицины до гороскопа. Политические темы, несмотря на свою важность, составляли лишь 17% от общего числа текстов в номере.

Сегодня «Bild» занимает первое место по тиражу в Германии и Европе (3 445 000 экземпляров). Отличительная черта «Bild» – крупные заголовки, преимущество фотографий над текстом, обилие рекламы. Стоит отметить, что газета имеет развлекательный характер, не поделена на рубрики (например, политика, экономика, общество), то есть отличается эклектизмом. В качественной прессе публикации располагаются согласно их информационной ценности. Бульварная пресса, в свою очередь, выносит на первый план заметки, максимально привлекающие аудиторию. Тематическое наполнение газеты подтверждает принадлежность «Bild» к «желтой» прессе. Упор делается на освещение несчастных случаев, преступлений, личной жизни и сплетней о знаменитостях. Каждый выпуск затрагивает табуированные темы. В качественной прессе подробности личной жизни человека используются преимущественно для раскрытия характера личности, тогда как бульварная пресса делает из этого сенсацию, что становится поводом для критики или насмешки.

Язык бульварной прессы также имеет свои отличительные черты. К ним относятся:

1. Высокая степень экспрессивности. *Trotz Drohungen Chinas gingen am Wochenende wieder Hunderttausende mutige Demonstranten gegen die pekingtreue Regierung auf die Straße. Mutig! Soll der Bundestag nach der nächsten Wahl um die 800 (!) Abgeordnete haben?*
2. Наличие стилистических приемов, свойственных художественной литературе:
 - Метафоры. *Annegret Kramp-Karrenbauer (AKK) trifft König Abdullah II – in Deutschland brennt die Hütte.*

- Ономатопея. *Nanu, was zwitschern die sich denn da zu?!*

3. Использование фразеологизмов, характерных для разговорной речи. *Nach dem PeinlichAuftritt von Entertainer Luke Mockridge (30) im ZDF-Fernsehgarten rätselten Zuschauer und Fans: Welcher Affe hat denn den gebissen? – vom Affen gebissen sein – сойти с ума.*

На синтаксическом уровне следует выделить следующие особенности:

1. Номинальный стиль изложения. *Kopfschütteln in der Partei, Wut bei Scholz‘ Mitbewerbern.*

2. Грамматические сочетания, в которых отсутствует один из элементов. *+Und in der CDU-Spitze die Frage: Sind zwei Groß-Jobs (Ministerium & Partei) einfach zu viel?*

3. Парцелляция. *Nur China hätte dann ein größeres Parlament. Irre.*

Выводы. Бульварная пресса рассчитана на массовую публику и получает все большее распространение преимущественно благодаря визуальному эффекту. Характерная черта сообщений в желтой прессе – это их сенсационность. Язык желтой прессы характеризуется наличием высокой авторской оценки, употреблением разговорной и экспрессивной лексики, а также использованием приемов, направленных на облегчение восприятия газетной статьи.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

Щербачук Л.Ф.

*кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского, славянского и
общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической
академии*

КФУ имени В.И. Вернадского

Lidiya_shch1@mail.ru

Введение. Период конца XX – начала XXI веков для мирового сообщества стал периодом глобализации, который отразился на очень широком круге явлений в сфере экономики, политики, социологии, образования. В условиях современной глобализации успешное решение многих профессиональных и жизненно важных заданий специалиста существенно зависит от уровня его иноязычной коммуникативной компетенции. Так, сегодня при возрастающей интеграции российского высшего образования в мировое образовательное пространство одним из важнейших требований к выпускникам вузов является владение иностранным языком, обеспечивающее эффективное профессиональное взаимодействие в современном поликультурном и мультилингвальном мире. Учитывая вышесказанное, проблема улучшения иноязычной подготовки будущих филологов, переводчиков в высших учебных заведениях является актуальной и становится предметом многих научных изысканий.

Цель исследования заключается в анализе проблемы формирования иноязычной компетенции при обучении польскому языку на филологическом факультете.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– определить понятия *коммуникативная, лингвистическая и профессиональная компетенции*;

– охарактеризовать национально-культурный компонент как средство формирования иноязычной профессиональной компетенции.

Результаты исследования. Разработкой теоретических и практических вопросов развития иноязычной коммуникативной компетенции занимались многие учёные: А. С. Андриенко, Н. Д. Гальскова, И. А. Зимняя, Е. И. Пасов, Н. Н. Прудникова, С. Савиньон, В. В. Сафонова, А. В. Щепилова и др. Современные исследователи иноязычную коммуникативную компетенцию рассматривают как необходимый человеку уровень формирования опыта межличностного взаимодействия с целью успешного функционирования в обществе с учётом собственных способностей и социального статуса.

Следует отметить, что в составе коммуникативной компетенции учёные выделяют следующие элементы: лингвистический, социокультурный, речевой, дискурсивный, стратегический, предметный, компенсаторный, прагматический и др.

Важной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции является лингвистическая компетенция как комплекс знаний, умений и навыков, которые обеспечивают овладение языковыми средствами, определение коммуникативного содержания отдельных языковых единиц, их семантики, формы и структуры, связей между ними.

Иноязычную профессиональную компетенцию будущего специалиста учёные определяют по-разному. Так, например, А. С. Андриенко иноязычную профессиональную компетенцию соотносит со способностью осуществлять межкультурное профессионально направленное общение; взаимодействовать с носителями иной культуры, принимая во внимание национальные ценности, нормы и представления; создавать позитивное настроение общения для коммуникантов; выбирать коммуникативно целеполагающие способы вербального и невербального поведения на основании знаний о науке и культуре

других народов в пределах полилога культур [1, с. 16]. Н. Н. Прудникова иноязычную профессиональную компетенцию понимает как владение индивидуумом необходимой суммой знаний, умений и навыков, которые определяют степень формирования его профессиональной деятельности, стиля профессионального общения и его личности в качестве носителя определённых ценностей, идеалов и профессионального сознания [2, с. 12].

Следует отметить, что целый ряд экономических, политических и социальных причин в наше время определили сдвиг акцента с языковой системы как основного объекта обучения на речевое действие, речевое поведение человека на иностранном языке.

Национально-культурный компонент, интегрируемый в программу изучения современного польского языка, основывается на идеях модернизации содержания высшего образования, идеях политики в сфере образования, отвечает интересам и потребностям региона, обеспечивает качественное преобразование изучаемого предмета.

Выводы. Анализ разных подходов свидетельствует, что иноязычная коммуникативная компетенция является многокомпонентной структурой. Эффективность её формирования в значительной степени зависит от учёта разных механизмов и составляющих, характерных для процесса изучения иностранного языка (в том числе и польского). Особенностью национально-культурного аспекта обучения современному польскому языку является то, что в учебно-познавательной деятельности обучающихся должны найти отражение этнические, национальные и региональные компоненты.

1. Андриенко А. С. Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза: автореф. дис. ...канд. пед наук: 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» / А. С. Андриенко. – Ростов-на-Дону, 2007.

2. Прудникова Н. Н. Педагогическая технология формирования иноязычной компетенции студентов неязыковых вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования». / Н. Н. Прудникова. – Саратов, 2007.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аидинова Э.Д., 3
Андрейченко О. И., 6

Б

Бобко П.А., 8

В

Валеева Л. В., 10
Ванина Е. А., 12

Д

Давыдкина А. С., 14
Денисова О.В., 16
Дехтярева Е. В., 18

З

Забашта Р. В., 20, 22

К

Колосовская Т. Л., 24
Курьянова В.В., 26

М

Модина А. В., 28
Мынзул Е. О., 30

О

Орехова Л. А., 32

П

Пелипась М.И., 36
Перепечкина С. Е., 34
Перепечкина С.Е., 42
Петров А. В., 38

С

Савинова А. А., 22
Сляднева Н.А., 40
Стрембицкая Н.С., 8
Сулейманова А.Р., 42

Т

Трушина А. О., 44

Ч

Чепурина И. В., 38
Чистополова А.А., 46

Щ

Щербачук Л.Ф., 48

Я

Яценко Ю. Д, 10